

84Р6
Ф53 К

Владимир Филимонов

Капельки жизни

191202-1

1284

Э.К.

84РБ
Ф 53

Владимир Филимонов

Библиотека
им. Маяковского
об автографе

26.10.08

Капельки жизни

191202-1

OK6

К 03 (07)

Владимир Филимонов

Капельки жизни (стихи, проза)

г. Курган, «Парус-М», 2004 год.
Лицензия ЛР № 071414
от 24.03.1997 г.

Сборник издан по заказу и на средства
Администрации (Правительства)
Курганской области

ISBN 5-86047-183-1

Святая, как хлеб...

Особенности поэтического творчества Владимира Филимонова – это первозданность стиля, системы образов, языка, изобразительных средств. В его стихах невозможно обнаружить каких-то “влияний”, нет написанных “специально”, нет признака “профессионализма” в хорошем понимании смысла такого определения. Поэтические детали его стихов неожиданны, свежи и первозданны.

Впрочем, пора сказать о том главном, чем привлекла меня поэзия Владимира Филимонова. Это направленность. Вернее сказать, предмет раздумий поэта... Деревня, малая родина, неизбывная и нескончаемая любовь к ней, тревога за ее судьбу, а в целом и за судьбу Отечества – вот что красной нитью проходит через все его произведения. Для него нет темы важнее этой.

За плечами автора многоверстные пути-дороги армейского офицера. Тем для освещения предостаточно. Но он вновь и вновь с высоты прожитых лет сердцем и памятью возвращается к святой и незабываемой –

деревне. В его стихах она предстает в картинах детских, отроческих и юношеских воспоминаний, постепенно перерастая в зрелое восприятие бытия...

Там, в деревнях, на родимой земле, в крестьянских трудах, детских радостях и огорчениях вырастают новые поэты, формируется их душа и совесть. Без постоянного ощущения малой и большой Родины, без памяти и заботы о ней человек – не человек.

Несказанно рад, что в лице Владимира Филимонова встретил самобытного поэта с незамутненной русской речью. Уверен, что его стихи найдут благодарного читателя.

Иван Яган,
секретарь писательской организации
Курганской области

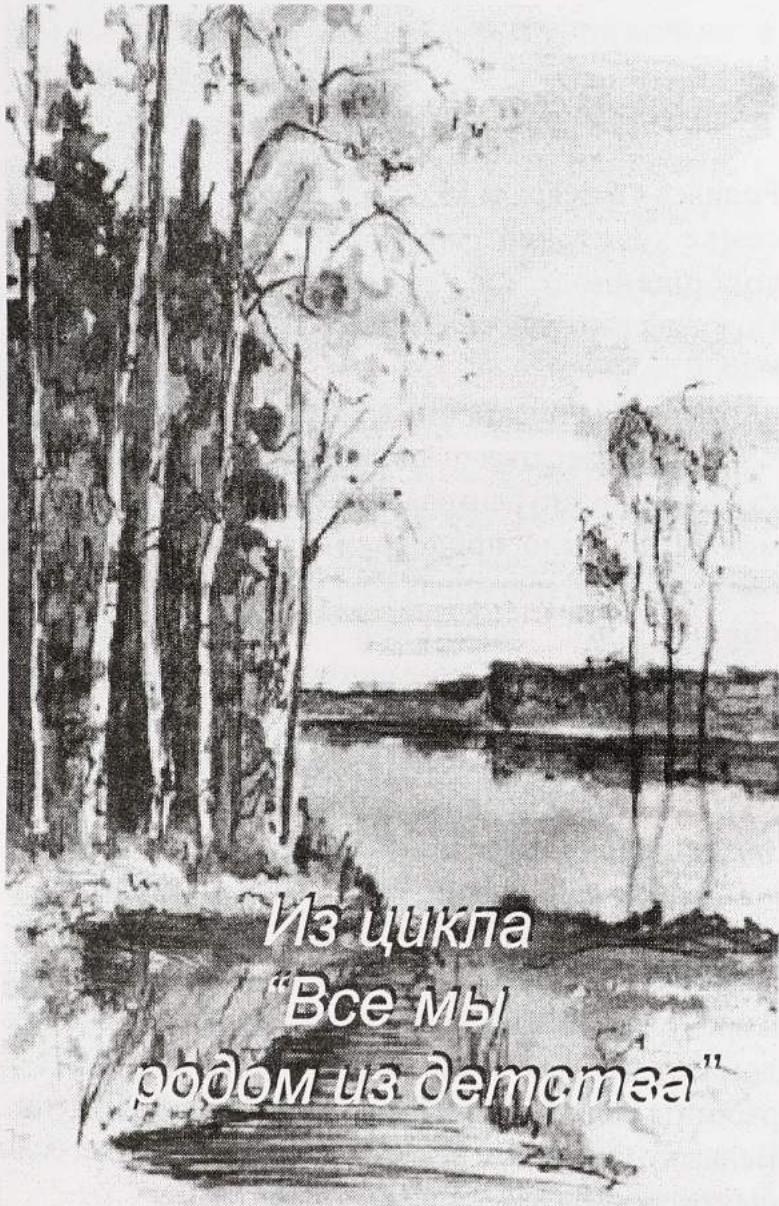
О себе и о стихах

Родился я 6 февраля 1952 года в поселке Мишкино в семье учителей, но с четырех лет и до совершеннолетия прожил в селе Сумки Половинского района. Этую местность считаю своей малой родиной.

Когда начал писать стихи – точно не помню, но в конце шестидесятых годов прошлого века в районной газете были опубликованы первые два. Восторгу моему не было предела. Потом участвовал в областных литературных конкурсах, читал стихи со сцены в школьной художественной самодеятельности. Серьезного значения творчеству не придавал. И только лет с 25-ти осознал свои возможности и стремление к их написанию.

Стихи этого сборника написаны в разное время. Закончились мои армейские дороги... Теперь я – дома, на малой родине, думаю, что навсегда. Но в память о пережитом я и назвал книгу “Капельки жизни”. В ней я пытаюсь рассказать о том, что видел и прочувствовал, начиная от хрустальных по чистоте детских лет и до дней сегодняшних. Буду жить и работать ради того, чтобы приблизить возрождение Великого Отечества, иначе какие же мы русские, если бы трудностей испугались.

Владимир Филимонов

Воспоминания о детстве

1

О, детство! Давнее и звонкое,
Кусочек неба в облаках,
Ледышка хрупкая и тонкая,
Мечты на пыльных чердаках...

К тебе, как прежде, меж покосами,
Без чемоданов, налегке,
Спешу, сверкая пяткой бosoю,
Я с саблей-прутиком в руке.

2

*К давнишним дням манит тоскою
В раздумий час сводя с ума,
Забор с поломанной доскою
И чердака немая тьма,*

*Пылинки в солнца позолоте
И запахи трухи сennой,
И лучше песенки иной
Гвалт лягушиный на болоте.*

3

Буераки, родники,
В борозде боронка,

Водопои да колки –
Вот моя сторона.

Тиши, прохлада от ручья,
Тополь за забором,
Это, может, и ничья,
Но моя опора.

Что мне жизненный содом
И дожди, и сырость,
Если в Сумках стоит дом,
Где я жил и вырос.

Не сгорю я на огне
И поверю в счастье,
Если в сон приходят мне
Клены, как причастье,

Лес с костянкою тугой
На зеленой ножке...
Пусть походит и другой
По моей дорожке.

4

*Течет с колес короткая верста,
Не устаю я в мыслях улыбаться:
Знакомый дом, Красивая, 12 –
Каким далеким этот адрес стал.*

Подгнило без хозяина крыльцо,
Собачка незнакомая бесится,
Ну, как тут было верно не влюбиться
В окно, как в чье-то милое лицо.

Мой дом, будто двухтрубный пароход,
Стоял на тихом, сельском перекрестке,
Закат – налево, вправо – на восход,
А между ними в голубой известке

Заборы, не помеха детворы
В сплетениях и при-и-неприязни,
Здесь первые недетские соблазны
Сокрыли огороды и дворы.

5

Нас ласково, настойчиво манили
За горизонт бескрайние поля...
С тех пор года
Десятки раз сменили
Листву на толстокожих тополях.

Листаю я диковинную повесть,
Вспоминанья держат на весу,
Мерилом лет толкает в модный пояс
Казавшийся высоким прежде сук.

Мы были влюблены и в рост кустов,
И в ширину теперь-то узких улиц,
Которые от дряхлости прогнулись,
Храня обрывки школьные листов.

И колки, и покосы, и окрошка,
И сумрачное таинство лесов,
И жуть болот, и полевая мошка
Сейчас, как сказка алых парусов.

Хоть дружбы цену мы еще не знали,
Как, впрочем, цену и самим себе,
Но лес и дол, и школа завязали
На память узелок в любой судьбе.

С пером своим и чистою тетрадью,
По прошлому испытывая грусть,
В село вернусь, на окна школы глядя,
Как на иконы, светло помолюсь.

Прятки

*Было, было счастье
И в моей судьбе:
День, коровьи ясли,
Будто колыбель;*

*Будыльем колючим
Мой искал от бок,
Муха жалом злючим
Жжет подошвы ног;*

*Не чихнуть, не ... стукнуть,
Хоть ты помирай -
Сразу же аукнет
Старенький сарай;*

*Надо мной корова
Сон-траву жует,
И опять, и снова
Муха пятки жжет;*

*Друг в коровьи ясли
Так и не взглянул,
Маленькое счастье
День не обманул!*

Пустырь

Желанный и доступный мир
Без признаков теней
Ты был, заброшенный пустырь,
Началом детских дней.

Здесь собирались игроки
В лапту и чехарду,
И боль с пораненной руки
Сдувалась в лебеду.

Здесь каждый был в душе поэт,
Молчащий до поры,
Искалисъ клады прошлых лет,
Жглись первые костры.

Через него и в шалаши
Бегом короче путь.
Грозился батька: “Не спеши,
Сломаешь что-нибудь!”

Приближение грозы

*Над полями, бугорочками,
Лес толкая под бока,
Разбросались ветерочками
Грозовые облака.*

*Каплей в озеро упавшую,
Хлопотливо, от души,
Спели песню шелестящую
Золотые камыши.*

*И
Затихло студнем озеро
Вглубь до родниковых вод,
Лишь подрагивал морозливо
Ивняковый хоровод.*

*Чтоб гроза не начудесила
Еще чуть-чуть погодя –
Было мне легко и весело
В ожидании дождя.*

Пастух

Утро новое настало,
Тише зазвенел ручей,
В травах росных заблистал
Сказка солнечных лучей.

В буераках, по болотам
Лег туман, как мокрый пух...
Первым на селе дремотном
Просыпается пастух.

Про запас куснули кони
Стог хрустящий за бока.
На дворе запел подойник
Под струёю молока.

Щелкнул кнут, как сочный выстрел,
Пыль встревожив на кустах:
“Эй, хозяйки, ну-ка, быстро
Отворяйте ворота!

Выгоняйте-ка коровок,
Мы пойдем за дальний плёс,
Ведь в работе очень ловок
Мой лохматый, верный пес.

Кто даст пышку, кто – яички,
Кто – парного молока,
А в полях займу водички
У Кривого родника”.

Солнце жжет, рукав залатан,
В грозы долго ль до беды,
Невеликая оплата
За великие труды.

Стадо взял.
И будто не был.
Исчезает ночь вдали.
Знать, пастух ее по небу
Гонит до конца земли.

1912028

Центральная
городская библиотека
им. В. Маяковского

Отдел краеведческой
информации

ул. Пролетарская, 41, тел.: 45-42-53

Кузнец

У запруды за оврагом
Кузня сельская видна,
Сажа вьется черным флагом
Из раскрытоого окна.

За версту углем печеным
Пахнет раскаленный труд,
А по щелям прокопченным
Тараканы не живут.

Травкой чахлою, седою
Кузницы зарос венец.
Говорят, что бородою
Неспроста трясет кузнец:

Может с луком шматик сала
С булкой хлебушка умять,
Меч переварить в орало
И назад перековать;

Водит дружбу он с чертами,
Из болота ждет вестей
И плетет, плетет ночами
Нити колдовских сетей.

Мол, не зря огнем вздыхает
Допоздна сипящий мех...
И бежит молва лихая
Глупым – в мысли,
Умным – в смех.

Кузнеца боятся девки
С каждой улицы села.
Ну, а он поет припевки
Про железные дела.

* * *

Воспитаник вокзалов, доброй бабушки,
Любил я собирать цветные камушки
И уходил бродить по свету белому,
Не думая, что маме больно делаю.

Сбежав в поля и в рощи белоствольные,
Рождая в строчках-мыслях песни
вольные,
На солонцах над подписью корявою
Писал “сонет” про девочку кудрявую.

В лесу живущем, на подушке хвороста
Мельчали разочарования и горести,
И утирая слезы свои вздорные
Листвой и лопухами подзаборными.

Старая баня

Банька, разомлев на солнце,
Морщит трещиной порог,
Слеповатые оконца
На земле у самых ног.

Сучковатые поленья
Да холодная вода,
Да в субботу хлопья пены –
Вот и вся ее еда.

Почернела дряблым телом,
Покосился потолок,
По доскам, когда-то белым,
Скачет жаба под полок.

Прилегли к ее накатам
Лебеда, чертоплох,
Дурнопьян, крапива, мята
И зеленый, скользкий мох.

Рук уставших не поранит
Деревянная бадья,
И открыт всегда предбанник
Для влюбленных и бродяг.

Трудно стало жить старушке,
Возраст явно к тридцати,
Отмывать людей... Игрушки ль?
Вновь рождение почти!

*Отметились волненья мои детские
На будущем серебряными метками,
Я и сейчас смотрю на мир влюбленными
Глазами верными, насквозь зелеными.*

* * *

*Живу осенней, грустной паутинкой,
Заел однообразный, вязкий быт,
Лишь изредка знакомою тропинкой
Вхожу в село, где я почти забыт.*

*С трудом удерживаю радостные слезы,
Что чей-то голос ту же песнь поет.
Когда-то тонкотелая береза
Дебелой дамой ныне предстает.*

*По улицам и в каждом переулке
Я помню закутки наперечет.
Прошли года, но так же вкусно булки
Хлебопекарня местная печет.*

*И снится мне, что я в начале века,
Вновь подойду к kleенчатым дверям,
И тот же, поседевший втрое, пекарь
Меня сведет к пшеничным сухарям.*

* * *

Наша кошка так часто рожала,
Что подполье от писка дрожало,
Там котята клубками свивались
И игрою своей согревались.

Их друзьям и соседям дарили,
Всех котов незнакомых корили,
Уходила гулять наша кошка
И опять их рожала немножко.

Мы себе одного оставляли,
Остальных отдавали подале,
И сбегался ко мне отовсюду
Шум за битую в доме посуду.

Это было не очень-то важно,
Потому что за лентой бумажной,
За шуршаньем катушек и пленок
Бегал маленький, глупый котенок.

Время – миг,
И взрослели котята,
Стала кошка седой и горбатой,
Спит, урча, на потертом диване,
Сны к себе молодежные манит.

А пушистые эти милашки,
Язычком вымыв шерсть и мордашки,
Убегают по той же дорожке,
Где гуляли их мамочки-кошки.

* * *

Хорошо нырять, дурачась,
Под ленившую волну,
И под влагой мягкой спрячась,
Видеть новую страну.

Поиграть с мальками в салки,
Еще глубже унырнуть
И за бантик у русалки
На косичке потянуть.

До пупырышек на коже
Посинеть воды синей,
Находя в озерном ложе
Россыпь сглаженных камней.

И к небесному колодцу
Всплыть спокойно и легко,
Расплескав плечами солнце
На кувшинки и мальков.

*Моему дедушке –
Михаилу Федоровичу
Чувашову. Мир праху его.*

Мой дед готовился ко сну...
Рубанком по доскам играясь,
Восьмидесятую весну
“Разменивать” не собираясь.

И силушка была пока,
Годами скопленная в жилах,
И с ложкой полною рука
Еще исправно рту служила,

Но дед себе январским днем,
Шутя (шутя ль?) сбил домовину.
И бабка плакала о нем,
Ему уткнувшись носом в спину.

*Моей бабушке –
Феоктисте Константиновне
Чувашовой. Мир праху ее.*

В печке огонь, на горбе у огня
Блинчики бабка печет для меня,

Первый внучок прилетел погостить -
Надо его, не шутя, угостить.

Солоны щеки, а в горле комок,
Бабушкин дом - дорогой теремок,
Только вот стали низки потолки,
Да сундуки невесомо легки.

Зелень проела карнизы насквозь,
Над рукомойником – вешалка-гвоздь,
Но на печи голубой кирпичи
Так же, как в детстве, опять горячи.

Жить будет вечно незыблемость фраз,
Бабушка Феша, начни свой рассказ:
Как я в “войнушку” играл на дворе,
Как я уснул на пшенице в ларе,

Как губы красила синим ирга,
Как пахли летом под зиму стога,
Как было жалко бездомных собак,
Как я у деда “похитил” табак...

Сон навевают часы-убаюн,
Стол хлебосольный картошкою юн,
И в помидорах, как в кучке сердец,
Лихо торчит огурец-молодец.

Лосенок

Разиком первым, но, знать, навсегда
В подпол уже проступает вода.
Бабка качает косицей седой,
На фотографиях – дед молодой.

Помнит хозяина ветхий забор,
В деле до обуха стерся топор.
Темные сени, кладовочки клеть...
Было, где плакать и песенки петь.

* * *

*Наша жизнь по законам родства,
По причастности к миру струится,
Даже смерть, коль приходит, права,
И ее отрицать не годится.*

*И, заметив, как листья кружат,
Опадая - ответствовать будем:
Наша Родина там, где лежат,
Под крестом дорогие нам люди.*

В глубине тиши лесной,
Под разбитым древом,
Он пришел в наш мир весной
С ручьевым напевом.

Через день на ноги встав,
Хрупкий, неуклюжий,
Жизни постигать устав
Начал, тычась в лужи.

Лес следил за малышом
Чутким колком-ухом,
Возле мамы хорошо,
И тепло, и сухо.

И пока что для него –
Смысл – мамы вымя,
Лес – земное божество
Дал лосенку имя.

Никакой заботы нет,
Ели – колыбели,
Впереди всей жизни свет,
Позади – неделя.

* * *

Живет, меня не замечая,
Над озерцами тишина,
И лодку легкую качает
Мернолюбивая волна.

Скрипят рогатины уключин,
Лежит лениво поплавок,
Торчу, как мелкий островок,
Разочарован и измучен.

И червяка сменил, и каши
Вокруг с избытком набросал.
Мне шепчут водяные чащи,
Что лучше рыбы – колбаса.

А где-то глубоко под днищем
Смеются рыбы надо мной.
Удач насекомом не отыщешь –
Плыву опять с пустой сумой.

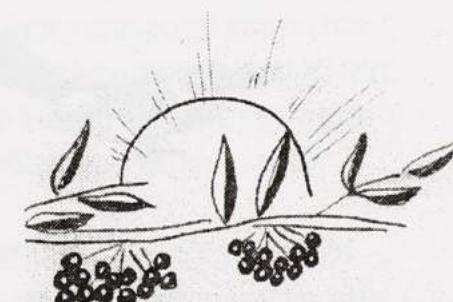
Ни сил, ни времени не жалко,
Хотя бурчит пустой живот.
Я знаю, тихая рыбалка
Меня и завтра позовет.

Паслен

Паслён был так матово чёрн
В союзе сойдясь с молоком
И с хлебом, что был испечен
Умелым моим земляком.

И даже, восстав в полный рост,
В картофельных джунглях полей,
Он был до наивности прост
И этим еще мне милей.

Как эхо из прожитых лет,
Как звон неразменных монет,
Возник неперчен-несолен
Вкус детства – тот черный паслен.

* * *

*Речка склеила туманом
Тот и этот бережок,
И вода взяла тараном
Свежесобранный стожок.*

*Он плавает в потоке грязном,
Скособочен, некрасив,
По бокам надежно связан
Перевяслами из ив.*

*Галки – черные старушки,
Сев, как в мягкую кровать,
На его сухой верхушке
Собрались позоревать.*

Песнь о корове

*В снегу, как в рубашке нательной,
Стал лес вдалеке иссиня...
Мычанье коровушки стельной
Печальнее день ото дня.*

*Сенцо так в копешке сдавилось
Пургой – перевяслы дугой,
Что можно почесть и за милость
Соломы навильник-другой.*

*А тут еще ворон с забора
Раскаркался, как на беду,
Что лед, сын мороза, не скоро
Сойдет в водопойном пруду.*

*Коровушка долу клонится,
По холке – морозливый пот,
А в марте еще материнство
Добавит немало хлопот.*

*Осталось в углу у повети
На память о выпасном дне
Наделать рогами отметин
На заиндевелой стене.*

* * *

За далью дальней Родина моя,
Там и петух поет за соловья,
Там даже приозерные мостки
Весной пускают клейкие листки.

В полях сейчас там царствует зима,
Потрескивают стенками дома,
Левее огорода, как всегда,
Лишь потемнеет – вечная звезда.

Там в баньках вокруг озер –
Блаженный рай,
На скрип саней –
Собак ленивый лай,
Там мама греет руки у огня
И сушит валенки.

Но только нет меня.

Слово

в защиту крапивы

Однокая крапива
Своенравна и спесива,
Из-за одиночества
Потеряла отчество.

Никому ненужная,
Только с ветром дружная,
Да и тот старается
Долго с ней не маяться:

Когда делать нечего,
Что-то колким венчикам
Скажет,
Тут же ворохом -
Гостеньком к черемухам.

А она качается
Головою жгучею,
Может, ей мечтается
Розой быть колючею.

* * *

В Сумках, селу однолетка,
Бабка Анисья жила
И говорила соседкам:
“Сробила все я дела.

Если чего позабыла –
Это в свой срок помереть,
Мужа кохала-любила,
Дорого-любо смотреть.

Ох, и пожили бы вместе,
Если б вернулся живой,
Но он загинул без вести
В первой еще мировой.

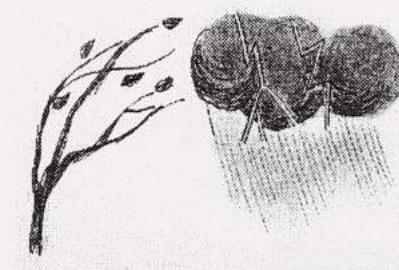
А во вторую – сыночки,
Снят где-то праведным сном.
С тех пор я – в черном платочке
И не ходила в ином.

Сватал меня председатель,
(Плоть нелегко усмирять),
Но не велел мне Создатель
Замуж идти вдругорядь.

Так и жила-доживала,
Стаяла, словно заря,
И по шагам узнавала
Нашего свет-почтarya,

Но не пришлось поклониться
Ему за отрадную весть.
Лишь в уголке за божницеей
Грамот колхозных не счесть...”

Плакала бабка, конечно,
Жалясь на это житье,
Меди цыганской колечко
Грелось на пальце ее.

Зов

В розовость заката
На исходе дня
Кто-то громко, внятно
Вдруг позвал меня.

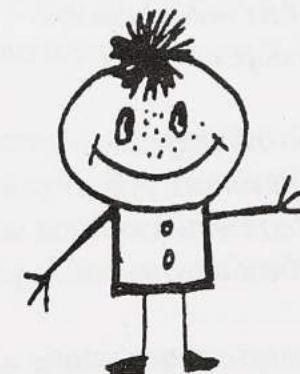
Глянул – надо мною
След туч-кораблей
В мешанине зноя
С холодком полей.

Рядом под пригорком
Ручеек да пни,
Суслик-столбик, норка
В голубой тени.

По траве зеленой
Тропкой на восток
Убегал цыпленок –
Солнца лоскуток.

Были звуки гулки,
Был проселок тих,
В сельском переулке
Родился мой стих.

Понял я под вечер,
Как струна звения –
То звала на встречу
Родина меня.

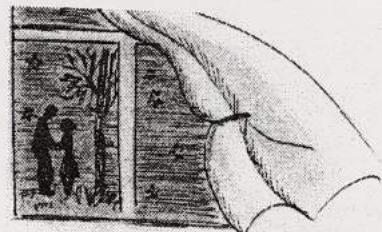
Как память о первой любви

*Бают, счастье не выносит
Холодка сентябрьских дней,
Я ж любил тебя и осень
Осенью еще сильней.*

*Обогрею поцелуем
Уголки озябших губ,
Заласкаю, замилую,
Люб тебе я аль не люб?*

*По проулку на проселок,
По проселку за кусты...
Соловьем зальюсь веселым
На кусочке бересты.*

*Никнут под дождем устало
Ветки хрупкие ветлы.
Тёмны ночи за Уралом,
Да глаза любви светлы!*

Другу детства Николаю Пономареву

*В нахлынувшие сполохи зари,
На мир взглянув улыбчиво, нестрого,
Уйдем с тобой, избрав в поводыри,
Проселочную, пыльную дорогу.*

*Когда стемнеет, молча, у леска,
Собрав сучков хрустящих две охапки,
Зажжем костер, к сухому дерзко хваткий,
И вкус разделим хлебного куска.*

*Воздав вниманье крепкому вину,
За все, что нами чтимо и любимо,
Мы тост произнесем: за тишину,
За нас двоих, за горизонт без дыма.*

*Поговорим, как жизни путь пролег,
Не звонкого, пустого слова ради,
И на ладонь доверчиво к нам сядет
Ночной, бездомный горе-мотылек.*

*Ну, а когда, когда наступит срок
Вернуться нам, то, не дойдя до дома,
Уснем в скирде неубранной соломы
На перекрестке избранных дорог.*

Памяти
Ольги Алексеевны Макаренко,
воспитательницы детского сада
села Сумки в 50-х годах
прошлого века.

Ольга Алексеевна
Сединой усеяна,
Ольга Алексеевна-а-а! –
Провода звенят,
Тучная и звучная,
Вечно человечная.
Ольга Алексеевна,
Помните меня?

Вспомните “морозливо”
Детский сад у озера:
Чуть не между грядками
Плещется прибой,
Как сильны традиции –
Небо часто снится нам,
Ведь забор вокруг садика
Сплошь был голубой.

Что нам детство давнее

В памяти оставило?
Песенку под елкою
Да сосалный лед,
Беготню за мячиком,
Пряники от зайчика,
За больным на озеро
Севший самолет...

Ольга Алексеевна,
Песенка та первая
Самою хрустальною
Кажется теперь,
Если плохо станет мне
На людском экзамене,
Вы откроите, встретивши,
В детство ту же дверь.

По траве и лесенке
Ходят ваши крестники,
Вспоминают изредка
Крепость детских снов,
Розовою краскою
Плещутся рассказки их,
И ведут в детсадики
Собственных сынов.

* * *

Скоро зима, покупаются валенки,
К стенам домов насыпают завалинки,
Чтобы тепло от утра и до вечера
Ластилось к людям легко и доверчиво.

Сладко во рту от коринок березовых,
В лужах – слюда синих крыльев стрекозовых,
Первый ледок с голубыми разводами
Лег в переулках меж огородами.

В песни излита печаль наболевшая,
Бродит по зарослям солнце ослепшее,
Утро росистое, ночка бездонная...

Сердце мое – эта осень бездомная.

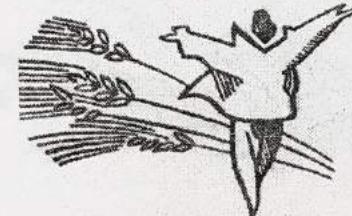
* * *

Осень – горькая полынь
Меж сердцами двух влюбленных,
Лета бабьего теплынь,
Медный блеск в листах зеленых.

Осень – ржавая вода
В заболоченных трясинах,
И пустые невода
На озерах карасиных.

Осень – вечная мечта
Музы ждущего поэта,
Стылой дали пустота
И доверие приметам,

Словно гири, облака,
Кучей – тучи грозовые...
Осень – чуткая строка,
Мной рожденная впервые.

* * *

Край любимый, душою измеренный,
И на верность разлукой проверенный –
Ты за нашими взрослыми спорами
Наблюдаешь глазами-озерами.

Мы стареем, ты с новым мальчишкою
В тайны леса и с книжкой подмышкою
Убегаешь из дома украдкою
С туеском за малиною сладкою.

Посидеть бы на той же завалинке,
Удивляясь, что все стало маленьким,
Жаль, но чаще всего телеграммами
Мы общаемся с нашими мамами.

Край родной, зоревой, нестареющий,
Привечающий нас и жалеющий –
Не давай пасовать перед трудностью,
Сил добавь неизбывною юности!

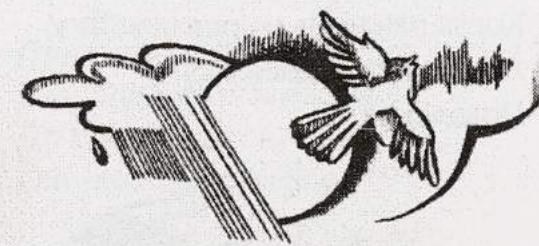

* * *

В краю родном мы влюбчивы, нежны,
Свободны от заумных выражений,
Там женщина походкою княжны
В нас будит суть, а не воображенье.

В краю родном имеем мы друзей
Не осквернивших действие обманом,
Там чище мы, там выше мы, сильней,
Там мы всегда нужны и долгожданы.

В краю родном родительский пирог
Вкуснее торта, купленного молча,
В краю родном – начало первых строк
И перекресток жизненных дорог,
И слог открытый вместо многоточья.

Мой старый дом

Гвозди, как черви, на сгнившем полу,
Яма от печи зияет в углу,
Кто-то забрал обожженный кирпич,
Как дичь.

Ком паутины в чердачном окне,
Фото чужих на наклонной стене,
И уцелевшей известки
Блестки.

И продувают вразнос сквозняки
Пальчики кукольной детской руки,
Петли – дверей сухожилья –
Отжили.

Строился дом еще в те времена,
Когда началась мировая война,
А до моего появления –
Поколенье.

Реквием

исчезнувшим деревням
(на роман Валентина Распутина
“Прощание с Матёй”)

*Опустела деревня
Не по злому приказу,
Только умер мир древний
Детских снов и рассказов.*

*Время лечит, но просит
В виде избранной дани
И просторы покосов,
И тепло черной бани,
И малину с рассвета,
И багрянец с заката...*

*Но за что же с нас эта
Непомерная плата?*

*Прах могил беспардонно
Взбудоражит теченье.
По какому закону
От земли отлученье?*

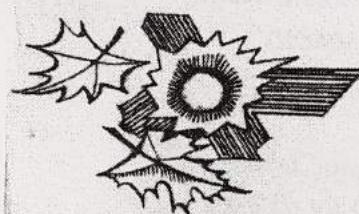
*Позабыли мы, вроде,
Кто легенд не имеет
О родимом народе –
Сам бесследно истлеет.*

*Нам ли не был завещан
Златоустник по праву:
Верить мудрости женщин,
Зачинающих в травах;*

*Дети – корни навырост,
Им уход да забота,
Как и что б не случилось,
Да останется кто-то;*

*Поклоненье Даждь-богу
Не за райские кущи,
А за то, что он строг был
К пьющим и загребущим.*

*И хотя все здоровы
Из мужицкого рода,
Только нам из ендовы
Не пивать больше меда.*

Муравейник

*Гляньте, справа от дороги
Шевелящийся и строгий,
Где растет густой репейник,
Появился муравейник!*

*В кучу сорные излишки
Наташили муравьишки,
Протоптали эти крошки
Пешеходные дорожки.*

*Не найдет сестренка брата
От рассвета до заката,
Переходы, этажи,
Перекрестки, виражи.*

*Не понять, где мамы, папы,
Шустро шевелятся лапы,
Собирают челюсти
Лакомые прелести.*

*В глубине большого сада
Тлю “подоят”, если надо,
Ташат беспилотного
Червячка болотного.*

Здесь за труд не платят денег,
Но не дремлет муравейник,
Часовой у входа
Нюхает погоду.

Если дождик будет,
Муравьи, как люди,
Двери закрывают,
На бочок и – баю.

Путешественники

День был чудесен, тих и безветрен. Ярко светило солнце, искрился снег. Словно рельсы, блестела накатанная лыжня и манила в глубину леса. Ровная поверхность полей казалась мертвой пустыней, лишь кое-где торчали глызы высоко поднятой пашни. По согнутым почти до земли будыльям конопли и бурьяна перепархивали неугомонные снегиры в поисках остатков былой роскоши – семечек и мелких насекомых, теперь замерзших и скучожившихся. Дымы из труб поднимались строгими столбиками. И даже куры-домоседки, обманутые покоем и кажущимся теплом зимнего солнца, робко бродили в полумраке курятника с тайной надеждой на скорую свободу. От озера бежали звуки сталкивающихся клюшек, хоккейные бои детворы были в самом разгаре.

За коровником возле копны сидел на санках мальчик. Поручение от бабушки выпало ему трудное – натаскать сена в коровьи ясли на два дня. Южная сторона копны была теплой и ласковой, мягкой и душистой. Пахло летом, и воспоминания о рыбалке будоражили мысли.

“Вовка, где ты?” – раздался голос соседа.
“Здесь я” – ответил Вовка и подтянул ноги в

валенках не по размеру, когда из-за копны буквально вывалился весь в снегу и в косо нахлобученной шапке друг Колька. Зима не погасила его веснушки и они сияли на лице, как маленькие солнышки. “Чего расселся, пошли в лес, договаривались же” – с ходу закричал он. “Не могу, – ответил солидно Вовка, – устал потому что” – и откинулся на захрустевшее сено. “Какой устал?! Еще месяц и таять начнет!” – возмущался Колька и с силой потянул друга за рукав. Поборовшись для вида, они надели уже приготовленные лыжи и, не торопясь, щурясь от слепящей белизны поля, пошли в недалекий, замерший лес.

Пройдя с километр, друзья свернули в просеку на старую порубку, сняли лыжи и, утопая в снегу выше колен, натаскали небольшую кучу хвороста. И вот уже горит костерок, шипя от подтекающей воды. Заостренная самодельным ножом палочка пронзила ломтики сала, затрещал капающий жир, заботливо собираемый на кусок хлеба, запахло оттаявшим за пазухой луком. “В жижни не ел нишего вкушнее” – прошамкал набитым ртом Вовка, и Колька, аппетитно уплетающий свою порцию, согласно кивнул головой.

Перекусив, друзья развеселились. А тут еще на

Кольку, отошедшего по малой нужде, с наклонившейся березы рухнула шапка снега, и он стоял, как маленький сугробик, не зная, то ли плакать, то ли смеяться. Нашлось и развлечение: с огромной кучи лежня кувырком вперед они прыгали в снег, пока не устали.

Похолодало. Пора было возвращаться домой. И друзья пошли через лес напрямую, пробивая след по молодой, сосновой посадке. На одной из полянок перед ними проскочили белые шарики рябчиков, их проводили веселым свистом. Неизвестно откуда взявшись сороки обругали друзей резким стрекотаньем. Показалось поле.

И вот тут-то из-под Вовкиной лыжи взорвался вверх с шумом и треском тучный косач. С перепугу Вовка шарахнулся в сторону, повалился набок и вскрикнул от боли в неловко подвернувшейся ноге. Левая лыжина, наткнувшись на пенек, щелкнула и носок ее сломался. Вовка попытался встать, но снова свалился и заскулил, роняя слезы и растирая их по щекам домашними варежками.

“Больно, да? – участливо спросил Колька, – что же делать будем? Может, я за твоим отцом сбегаю?”. “Не-т-т, – заныл Вовка, – я боюсь один-н-н,” – и зарыдал уже по-настоящему.

Попытались идти рядом на трех ногах, опираясь

на палки – не получилось. Колька попробовал толкать Вовку на одной лыже – то же, через несколько метров он снова падал, с каждым разом теряя силы, набирая снега в валенки и рукава. Деревня ближе не становилась, поле казалось бесконечным. Остановились передохнуть. Подумав, Колька снял брючный ремешок, поставил три лыжи рядом и перетянул их посередине. “Ложись, – сказал он Вовке, – я тебя так тащить буду”. Вовка лег на спину, поджал ноги, поставив их на кончики лыж, протянул Кольке руки, и процессия тронулась. Дело пошло на лад, вот только лыжня потеряла свою блескучесть и была безнадежно испорчена горе-путешественниками.

А от деревни, поспешила, уже или взрослые, обеспокоенные долгим отсутствием детей.

Через четверть часа друзья сидели под одним одеялом на Вовкиной кровати, напоенные горячим молоком, и взахлеб рассказывали о своих приключениях. Высохли слезы, лодыжку стягивала тугая повязка, в печи мирно потрескивали дрова, было тепло и уютно. “Ну, что, еще в лес пойдете?” – спросила Вовкина мама. “А как же!” – хором ответили друзья. И засмеялись.

* * *

Я пришел на эту землю,
Чтобы с первым петухом,
Прославлять свою деревню
Словом ласковым – стихом.

Если дома – все по силе.
Вот иду я на лужок,
Здесь когда-то мы косили,
Здесь вот ставили стожок.

Эх, ты, сено золотое –
Первопуток к молоку,
Не осеннее, пустое,
А июньское в соку.

На тебе хоть спать, хоть ахать
И на небушко смотреть,
Бросишь центнер-два с размаха –
Не успеет и рубаха
Разогреться, не взорвать.

И под бульканье грузянки
Средь лугов на костерке,
Проходящие цыганки
Нагадали без обманки
Нам удачу вдалеке.

Под шуршанье волокуши
С духовитым вязилем
Вмig взрослели наши души,
Слив свой быт с лесным жильем.

Жить бы так... Да поманула
Чужедальня земля
И небрежно отмахнула
Пряный запах вязиля.

Потому-то по России
Бродят тыщи падших душ,
Что забыли, где косили
Под шуршанье волокуш.

Прощание с детством

Мне снился дом, мой, деревянный,
Глядевший окнами в траву,
В углу двора стена бурьяна
Качалась, будто наяву.

И мама в ожиданье сына
Смотрела вдаль из-под руки,
И розовели лепестки
Сирени, нежно и невинно.

Сушили на ветру рубашки
Дрова в поленице тугой.
Сестра с бородкой манной каши
Толкала под столом ногой

Меня, за что – не помню, право,
Но, видно, детскую порой
Мы все бываем только правы
В раздорах с младшею сестрой.

А сон пронесся, как придется,
Вскользь по отметинам недель:
То ведра падали в колодцы,
То бабушка пряла кудель,

То палец ныл от клешней рака,
То я куда-то вдаль летел,
А обернуться захотел –
Проснулся. Сел. И вдруг заплакал.

Из цикла
*Пора
цветения*

* * *

Будучи офицером Советской Армии, мне пришлось исколесить бывший Союз Советских Социалистических Республик вдоль и поперек. Улица Артиллерийская в Калининграде знакома так же хорошо, как и Светланская во Владивостоке, а строгие готические шпили соборов чешского города Турнов причудливо переплелись в памяти с неповторимой красотой минаретов в Ташкенте. Смотровые вышки пограничников у нейтральной полосы с Китаем в Приморье нисколько не ниже, чем памятник Богдану Хмельницкому в Киеве, а гранитные валуны на берегу озера Ханко такие же холодные, как и плиты набережных вдоль Невы.

И везде были встречи с людьми, дружбе с которыми я обязан военной судьбе. Спасибо им всем за то, что пересекались наши тропиночки, оставляя в душе необычное - прекрасное и горькое, что впоследствие стало стихами.

* * *

* * *

Мне приснились стихи
О далеком былом,
В них прочел я,
Что без словопрений
Дом, где жил я,
Еще не отдали под слом,
И он жив
Под охраной сирени.

В его сердце-печурке
Манящий огонь,
Тесен стол
От еды изобилья,
На плечах моих
Грузик курсантских погон
Легок так,
Как легки только крылья.

Бьют спокойно и мерно
Стенные часы,
Приближая отъезд
Утром ранний.
И прочесть до конца,
И проснуться нет сил,
Может, сил,
А скорее – желаний.

* * *

Дома, как и люди,
В свой срок умирают,
Фундаменты печек
В момент разбирают,
Вывозят. И лишь
Валуны угловые
Глядят из травы,
Будто вечно живые.

И век свой влачат
Без проклятий и стонов.
На них пацаны
Подрывают пистоны,
Присядет прохожий
И правится ножик.
Как хочется быть валуном
И мне тоже.

* * *

В сырость вязкого тумана
Не без внутренней борьбы,
Поднимает спозаранок
Нас с постелей звук трубы.

Быстрый завтрак. И на стрельбы
Вновь спешит стрелковый взвод
Через речку, мимо вербы
По короткое “Вперед!”

Автомат под плащ-палаткой
И подсумок у ремня,
А вокруг идет вприсядку
Дождь по веткам и камням.

Чавкнет лужа, разлетаясь,
Стайкой брызг под сапогом.
Взвод стрелковый наступает
Шагом и опять бегом.

А итогом всех лишений –
Точен, делу очень рад,
Ставит точки на мишени
Безотказный автомат.

Ночной марш-бросок

Проводится так марш-бросок:
Диктуются сжатые сроки,
И вот место сбора – лесок,
Команды, маршрутные крошки;

Глухой разговор “кирзачей”,
Дыханья второго усталость,
Отсутствие шуток, речей
И к собственным мускулам жалость;

Хрипящая выспренность фраз,
Привал, дурнота сигаретки,
И яркие искры из глаз
От ткнувшей в надбровие ветки;

К земле спину гнет вещмешок,
За плечи кусает все злее,
Прилипчивый, быстрый слушок,
Что путь впереди тяжелее;

За шаг над собою борьба,
Щекотка капели соленой...
Военная наша судьба,
Нелегкие наши погоны.

Ночная стрельба

Командам не нужен елей,
Вот резко – вперед! – раздается,
И эхо в траве отдается
Качанием тонких стеблей.

Мигает зрачок “пулемета”
И в капельках пота мой нос,
А справа неопытный кто-то
Опять допустил перекос.

Второй магазин не в подсумок,
А локтем прижат за ремнем,
Я думаю тяжкую думу –
Куда я стрелял прошлым днем?

И снова мигают “фигуры”,
Которым не видно конца,
Как жаль, что у пули у дуры
Нет сил от штыка-молодца.

Кому бы мои да заботы,
Сминаю трясущую дрожь,
Приду с рубежа, скажет ротный:
“Мне дырочки вынь да положь!”

Ствол воздух толкает упруго
Мигалки числом сократив.
Все ж будет приятно, коль руку
Пожмет наш суровый комдив.

Торчит нерушимо, нетленно
ОДНА! из весенней грязи,
Чтоб только ее поразить –
Готов встать на оба колена!

Разговор автомата с мишенью

Ты – человек фанерный,
Я – автомат безотказный,
Ты у меня не первый,
Боль не познавший, безглазый.

И мои три патрона
Смерть из ствола высекая,
Резко и беспардонно
Тело твое протыкают.

Первый – откуда тенью
Встал ты с земли, чтоб погреться,
Снова – в солнцесплетенье,
Третий – в трехслойное сердце.

Будет прицел мой верный
И беспощадный будет,
Рад я, что ты – фанерный,
А не живой, как люди..

Счастье артиллериста

Подготовлены данные быстро,
Введены все поправки в прицел,
Счастье есть и у артиллериста –
Выстрел! Пауза-вечность...
И – цель!

Я услышал: весомо и чисто,
Меж станин обретя свой приют,
Об удаче артиллериста
Гильзы, чокаясь, гимны поют

В честь обученного командира.
Понял он – даже в дождь и пургу -
Долг профессии, слава мундира –
Точным выстрелом бить по врагу.

Четверть века всего командиру,
Ни сединочки нет на виске.
Замерла одиноко и сиро
Цель, разбитая вдребезги, вдалеке.

Полигонный дождь

Вот трассы первые
Дождинок длинноногих
Пронзили пыль
На полотне дороги,
И ливень – неучтенный водопад –
Обрушился на Солнечную падь.

На каждом сапоге по пуду весом
Налипла грязь,
А над поникшим лесом
Терзает ветер на своем боку
Последнее кукушконо “ку-ку”.

Парит капот усталого мотора,
Как дети блудные,
Ручьи спешат к озерам,
И за обвальным грохотом с вершин
Уже не слышно говорка машин.

Пилотка первогодка,
Словно парус,
Плывет в потоке с яруса на ярус,
И всяк вбежавший
Под провисший тент
Похож сейчас на мокрый монумент.

После “тревоги”

Прошла еще одна “тревога”,
На рапорты легла отметкой.
Иду знакомою дорогой,
Помахивая волглой веткой.

К бедру кулак противогаза
Притерся серебристой змейкой,
Фонарик смотрит тусклым глазом,
Поссорясь, видно, с батарейкой.

И фляжка полнится пустая
Сонливым, утомленным звоном,
И сапоги мои устали
Месить болота полигона.

А на виски и на ресницы
Прилег налет дорожной пыли.
Молчит довольная граница –
Ее надежно мы прикрыли.

* * *

В лычках или звездочках погон –
Крепко помнят боевые други,
Что оценки ставит полигон
Только за реальные заслуги.

Обрывая с трав росы печать,
Приподняв “реснички” броневые,
Мы приходим новый день встречать
На свои родные “огневые”.

Нынче нам придется попотеть,
Чтоб итога нужного добиться...
Кто слыхал, как начинает петь
Из восхода розовая птица?

Я заблудился

Я был один
перед грядущей ночью
и к лесу относился,
не любя.
Сучки трещали
как-то звучно, сочно,
дыхание не в шутку теребя.

Кусты вставали
строгостью заставы,
на сапоги капканом
липли травы,
мышиный шорох
громом резал уши,
светился пень
от фосфора гнилушек
и светляки мерцали в темноте,
готовясь к дорассветной суete.

Коль мягко говорить,
я был в досаде,
к деревьям приближался,
как к зasadе,
и удержал в себе
в последний миг

из горла рвущийся
испуга нервный вскрик,
мурашки побежали по ноге,
когда из-за кустов
послышалось “Эге-е!”,
и понял,
что почти уже бегу,
когда вслед мне
понеслось “Угу-у!”

Проклятая сова.—
мышиная царица,
из-за тебя я начал... веселиться.

Но что же делать?
выход был один:
я влез на ель,
испуган до седин,
и – рядом!
из-под дрогнувшей руки
увидел голубые огоньки!

Письмо родителям с Дальнего Востока

Срубая сорную траву,
За день заботами намаясь,
Не зрите вы, чем я живу,
Не знаете, чем занимаюсь.

В окно тропиночка видна,
Как в Рим, она ведет в Приморье,
Ведь дух шинельного сукна
Растаял в вашем коридоре.

Как и у вас, у нас верба
Пушится на весеннем ветре.
Гремит учебная стрельба
От дома в полукилометре.

Вся жизнь моя - сплошной наряд
С приметой ада или рая.
А в Зауралье, говорят,
Пришла весна очередная.

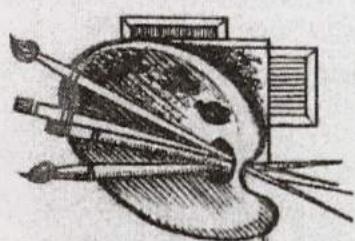
Синь неба там сейчас чиста,
Как суть есенинского слога,
И между нами не верста,
А десять тысяч, это много.

Давно ль из дома налегке,
Не слушая наказов строгих,
Ушел я с прутком в руке,
В сандалях на босые ноги -

Веселый, дерзкий, озорной,
Охочий до душевных оргий,
То от влюбленности больной,
То от поэзии в восторге.

Бездельником не стал я, нет,
Не прошмыгну вдоль дела мимо,
Но не суметь мне, не успеть
Вам запасти дрова на зиму.

Простите мне, что я такой,
Как ртуть, сбежавшая, живая,
Что вместо писем под рукой
Кобур и сумка полевая...

На улицах и в парках Северной Пальмиры

1

В парке тихом стареющий клен
От подобных себе тем отличен,
Что штормами насквозь просолен,
Как моряк, и к туманам привычен.

Будто тени обрывочных снов,
Возникают из дыма заводов
И теряются между домов
Зов сирен и гудки пароходов.

И пропитаны улицы здесь
Ожиданием нового галса.
Может, город красивее есть?
Может, есть,
только мне не встречался.

2

В светлом сумраке белых ночей
До безумия был я ничей,
И влюбился в Неву городскую,
Будто первый весенний ручей.

Вместе с толпами праздных бродяг
Потолкался на площадях,

*И под ветром с Балтийского моря
Покачался, как спущенный стяг.*

*С головою нырнул в тишину
Старых улиц, бредущих ко сну,
Лики живших смотрели из Сада
На стучащую в берег волну.*

*Петли пискнули что-то сычом,
Когда сторож могутным плечом,
Тяжко стронув чугунные дверки,
Их прибил друг ко другу ключом.*

3

*Вновь испугавшись отчего-то,
Промчав по Невскому версту,
Взметнулись дико кони Клодта
В Санкт-Петербурге на мосту.*

*И у божественных Атлантов
Без плети, петли и седла
Хватило мужества, таланта
Сдержать коней за удила.*

*В лицо и морды ветер колко
Бросает с моря снежный жмых.
Лишь шрам немецкого осколка
Их отделяет от живых.*

* * *
*О, Азия! Тебя я принимаю
И говорю об этом, не тая.
Пускай цветет от края и до края
Твоя благословенная земля.*

*Под небом и безоблачным, и синим,
Я постигал сокровища твои:
Премудрости великого Ибн-сины
И вирши Алишера Навои.*

*Узорчатость автобусных стоянок,
Спокойствие открытого огня,
Лилейный стан забытых персиянок,
Наверное, навек пленил меня.*

*Снег на горах, как вечные седины,
Ковер садов самум не иссушил,
Базар такой, как в бытность Насреддина,
И Насреддин живой среди машин.*

*Лишь труд рождает право на удачу,
Цветет пахта и зреет виноград,
И я напрасно слово не потрачу,
Когда скажу, здесь каждый город – сад.*

*И я хочу, чтобы зимой и летом,
В пути или за праздничным столом,
Я говорил всем “ассолом алейкум！”,
И слышал бы “валейкум ассолом！”.*

пахта – хлопок (тадж.)

Москва

Она: нездешние прохожие,
Поток дубленок и пальто,
Коляски белые морожениц
И быстро-юркие авто.

Реклама – лайка разноцветная –
Пугает ночь на площадях,
Неразбериха несусветная
В тысячах глаз в очередях.

По тротуаровой проталинке
Спешит куда-то стар и млад,
И человек – ребенок маленький
Средь этих каменных громад.

И я, движением задержанный,
Вдруг пожелаю, как Дерсу,
Сменить огни большого города
На одиночество в лесу.

Дерсу - голльд (народность на Дальнем Востоке) из произведения писателя Арсентьева «Дерсу Узала».

Январский Киев

Вдоль по улице витринной
Хлопотливо, от души,
Выюга музыкой старинной
Пешеходов тормошит.

Но прогретой остановке
За любые полчаса
Хоть в дубленке, хоть в ветровке
Так и тянет заплясать

От морозца удалого.
Почему – я не пойму,
Схлынет стужа – будем снова
С нетерпением ждать зиму.

Может, оттого и силой
Не смогли нас взять враги,
Что славянам вечно милы
Песни выюженъки-вьюги.

“Вечерняя заря”

Горнист, играй “Вечернюю зарю!”,
Усиль трубой торжественность минуты.
Когда октавой горизонт укутан -
Я свое сердце строю подарю.

И, повторяясь через всю страну,
Несутся Гимна трепетные звуки.
Закончится поверка – наши руки
Опять в ладони примут тишину.

* * *

*Не распадется связь времен,
Хотя уже уходят деды...
В ряду со Знаменем Победы
Батист суворовских знамен.*

*Лесами поднялись кусты,
На месте битв чернеют пашни,
Но надо – в схватке рукопашной
Сойдемся на короткий штык*

*С любым, кому нужна земля,
Где нам мечталось и любилось.
Отцы шинели нам на вырост
С походов принесли не зря.*

*Не канут в Лету вечным сном
Годов тревожащие нотки,
И сын гулять идет в пилотке,
Как я когда-то - пацаном.*

Мальчишки

Минутно воскреси мне, время,
Воспоминаний лоскуток:
Идет мальчишеское племя,
Бурля, как грозовой поток;

За пазухой лежат рогатки –
“Оружье первого полка”,
На брюках – свежие заплатки
Иrossыль “цыпок” по рукам;

Глаза, как новые монетки,
Блестят, не тертые судьбой,
И обруч катится танкеткой
В густой пыли перед собой;

Значки меняют на патроны,
А их – на перочинный нож,
Бывает, сыплется со звоном
Стекло окна. Так ну и что ж?

Без устали играют губы
Веселый, непонятный марш,
А впереди – учений трубы
И густота солдатских каш.

О жизни зная лишь по книжкам,
Но, отделив добро от зла,
Идут беспечные мальчишки
Творить великие дела.

Жене

1

Мужчины путь –
Путь мужества, борьбы.
Уходим мы с родимого порога,
Чтоб испытать превратности судьбы
И горизонт своей рукой потрогать.

От дела разгораются глаза,
Не чужда нам заслуженная слава.
А на крыльце, как сотни лет назад,
Платком махая, плачет Ярославна.

2

Гарнизоны, гарнизоны...
Вы особенные зоны,
После свадебных колец
Испытание сердец.

Только ты имеешь право,
Не считаясь с моим нравом,
“От” и “до” без пересадки,
Напрямик и без оглядки
Рассчитать за то, что делал,
Где бывал и что обедал,
Почему довел до слез,
Понарошку или всерьез,

Отчего рукав разорван,
Где был лагерь образован,
Для каких-таких целей
С полки взято пять рублей.

Я отвечаю очень быстро
Что ученья прошли чисто,
Лагерь там же, где и был,
О тебе не позабыл
И привез (прием не нов)
Связку ярких фазанов,
Что рукав порвал о люк я,
В слезы ввел за то, что злюка,
А на деньги в магазине
Куплен был спиритус-вини.

Нагревай скорее воду –
Буду я смывать природу:
С левого плеча – лист клена,
С рук – разводы от «зеленок»,
Из сапог – иголок плети,
А с лица – паучьи сети.

Молодея и дурачась,
Перекроешь кран горячий
И доскажешь, весела:
“Долго я тебя ждала!”

Зелёнки – разновидность грибов

Выходной

Был праздник
для семейных отношений:
в сандалях начат день,
не в сапогах.
Чертила мне
для удочки мишени
на водной глади
рыбья мелюзга.

Сын по кустам,
дурачась и играя,
с протяжным и взрослеющим “Ура-а”,
сухие ветки,
листья собирает
для очень-очень
нужного костра.

Дочь варит суп
из камушков-картошек,
трава – капуста,
соль ее – песок
Вздымяя птиц,
распугивая мошек,
звенит над речкой
звонкий голосок.

Июль палит.
Впервые загорая,
жена, не плача,
нарезает лук,
попутно – хлеб,
и часто замирает,
прислушиваясь к шорохам вокруг.

Покрылись плечи
розовым налетом,
ласкает руки
теплая вода.
Я провожаю взглядом самолеты
и думаю о службе.
Как всегда.

* * *

С годами слетает с событий
Словесная шелуха...
Я все, что вокруг, где-то видел
И запахи эти вдыхал.

До боли щемящей знакомы
Скрипучие звуки колес,
Ветла у соседнего дома,
Заросший осокою плес.

То ль в прошлом пожил я немножко,
Но часто на мысли ловлюсь,
Что в смех за заветным окошком
Я снова, как прежде, влюблюсь.

Дойду до калиточки хлипкой
И сдамся (в который раз!) в плен
Девчонке с веселой улыбкой
И в платьице выше колен.

А после, как в век заполошный,
(Какой же тогда грянул век?),
Сведут по военной дорожке
Рекрутам в кавказский набег.

И так же тревожно, несладко,
Забывшиесь в прерывистом сне,
Одна докукует солдатка
Свой век. Не по нашей вине.

Сыну Сергею

«Быть смелым, папа,
Это как?»

«Зажав в кулак наган и нервы,
На острие лихих атак
Шаг первый сделать только первым!»

«Быть нужным людям, объясни...»

«Представь, кочует ночь по дому,
Но вот зовут, ты гонишь сны
И помогать спешишь больному».

«А что такое, папа, злость?
Вчера я дрался с другом Женей...»

«За что подрался, вот вопрос,
Надеюсь, ты уже дорос
Понять, что драка – не решенье».

«Ты о войне мне говоришь –
Она беда,
А сам военный...»

«Я в форме для того, малыш,

Чтоб над страной стояла тишина,
Ей нужен караул бессменный.

Ты сделал завтрашний урок?»
«Да, сделал.
И готов к ответу».

Погас сентябрьский вечерок.
Я знаю, что наступит срок
И час для жизненных отметок.

* * *

*Ветхозаветной старины
Явь, однолетки –
Приходят иногда к нам в сны
Живые предки.*

*Качая сивой бородой,
Нам дарят гордо
Лагун с итильскою водой
И борты мёда,*

*Меч обнажив, надев шелом,
Свершив молитвы,
Ведут извечный бой со злом
На поле битвы,*

*Прикрыв от копий и огня
Созревший колос.
От них остался у меня
Лиши русый волос,*

*Да как бы ни родила выть
И плуг был труден –
Стремленье Родину прикрыть –
Коль надо – грудью.*

Я - русский

*Я - русский. Я в себя впитал
И мягкость воска, и металл,
Испанский говор кастаньет
И итальянский менуэт.*

*Беспечный, светлый, раб труда,
По-польски пшекну иногда,
Могу француза поучить,
Как сладость печь в ночной "печи" ...*

*Я ел спаржу и пил кумыс,
Я вверх взлетал и падал вниз,
Имел татарский глаз разрез,
Пил "бормотуху" и шартрез.*

*Я в бедах, радостях тонул,
Построил церковь не одну,
И отказал в конце концов
Коронованью подлецов.*

*Я делал спутник и ухват,
Был для народов старший брат,
И независимость свою
Любил, как ждущую семью.*

Я никогда не предавал,
За слово – голову давал,
Мечтал – на долгие года,
Коль ненавидел – навсегда,

Срубал деревья и кусты,
И убегал от пустоты,
Но возвращался и садил
Все снова из последних сил.

Я написал “Войну и мир”,
Евангелье читал до дыр,
И обошел бы, если б смог,
Кольцо мечетей, синагог.

Я верю в искренность людей
И в незапятнанность судей,
Поглажу даже теще блузки,
Живу для доброты,
Я – русский.

Блокъ.

Мой взгляд задержался
На строчках стихов –
Жемчужинках русского слова,
И запах салонный нездешних духов
Услышал я явственно снова.

Но песни-туман отшептали шелка
И в храмах утихли молитвы...
Видать, у дворянства крепчает рука,
Коль дело касается битвы.

И щедрая лира взошла из-за туч
В обыденном ярка и странна,
И голос раздался, то нежно могуч,
То грозен, как рев урагана.

* * *

В сорок пятом, в светлом мае,
После славы и побед,
Дома на одном дыханье
Баню выстроил мой дед.

А потом еще кому-то,
Чтоб облегчилась судьба.
Бабка плакала: "Избу-то..."
"Ничего, дождет изба..."

В этой бане перемылась
Вся окраина села,
Пусть по-черному топилась,
Но зато нужна была!

Еще пахла древесина,
Смолью капала доска –
На полке дед сделал сына
В память павшего дружка.

Что еще бывает лучше,
Если целый и живой?
Баня! С паром вязко-жгучим
И водою ключевой.

В бане внук уже солдатом
Мылся, в отпуск приходя!
Умер дед в семидесятом,
Вспоминают – не судя.

Другу детства
Николаю Пономареву

Мы – доля малая процента
От населения страны,
Но зауральскому акценту
И в дальних странствиях верны.

Мы познаем миры иные,
К работе мчим на всех парах,
Но нас находит ностальгия
Даже в уютных вечерах.

И где-то в середине жизни,
В созревших помыслах чиста,
Любовь к отроческим местам
Переросла в любовь к Отчизне.

* * *

Моя Родина – Мать,
Пред тобой – добровольный холоп,
Не лупи по щекам меня
Мокрыми ветками ивы,
Не хлещи по глазам
Опадающей лиственной гривой,
Равнодушьем, как пулей,
Не бей мне под сердце и в лоб.

Жизнь груженой телегой
Ломилась по зеркалу луж
И сосной одинокой
Повисла на сивом тумане,
Но коль вырос я здесь – не шепчу,
Что теперь я не дюж,
Не держу ни кулак
И ни фигу на Матерь в кармане.

Ведь в российской глубинке не кем-то -
Тобою зачат и рожден,
Ты качала меня на парах
И задумчивых плёсах,
А теперь почему я
Погряз в безответных вопросах
И повинен менять даже мысли,
Не только лишь колер знамен.

На коленях вползу я
В твою леденящую грязь,
Хоть немного согрею тебя
Своим остывающим телом,
Беззаветно надеясь
И претендую несмело
На единую долю
И нашу душевную связь.

Ты скажи, может, чем-то
В беде и смогу я помочь,
Может, снова вернемся
Из осени в теплое лето,
Но нет сил погружаться в бардак,
Как в бездонную ночь,
Ты мне только моргни -
Я подставлю плечо.

Нет ответа.

Офицеры

Есть у нас особенная мера
На дела, на мысли, на людей.
Долг солдата, совесть офицера –
Каждому – превыше всех судей.

В буднях дней фундамент – наши руки,
Сердце, мама, ждущая семья,
Музыки чарующие звуки,
Виршей приходящая струя.

Ведь немного мыслящему надо –
Помнить павших, думать о живых.
Лучшая служебная награда –
Ордена на стягах полковых.

Потому-то и держать не тяжко
Щит ракетный против силы зла,
Что к плечам зеленая рубашка,
Как вторая кожа приросла.

* * *

Ой, куда ты, солнце, катишься,
Тускло глазками блестишь?
За туманами наплачешься,
За морями загрустишь.

Обмочу слезой подушку я,
Унесет сон-самолет,
Пока мама сказку Пушкина
Надо мною допоет.

Возвращайся, солнце милое,
Я с тобой – сквозь веки глаз.
Их открыл – полвека минуло.
Будем жить.

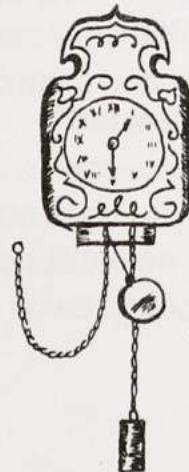
В который раз?

* * *

Ошибок вновь не повторить
И безрассудно не влюбляться,
И беззаботно не смеяться,
И слов «я - твой» не говорить.

Пора цветения прошла...
И надо брататься так за дело,
Чтобы душа не только пела,
Но и взгрустнула, чуть дыша,

Над тем, что сделать позабыла
В разгуле беспокойных дней.
Ведь то, что было - это БЫЛО,
А то, что БУДЕТ - посложней.

10-летию со дня подписания
Союзного договора
между Россией и Белоруссией
посвящается

Из цикла

Дорогие друзья, сябры!

Стихи из этого цикла написаны в Белоруссии в 90-х годах прошлого века. 14 (четырнадцать!) лет милая сердцу Беларусь лестновала меня, как сына, не давая полностью разочароваться в жизни. Это были сложные годы: период распада огромной страны, к которой с уважением относились и враги, и союзники. Планомерное уничтожение силами зла сильнейшей армии земного шара повлекло за собой излом судеб десятков тысяч офицеров, в том числе, и моей. Насиловалось и искажалось в СМИ все, что создавалось старшими поколениями, отзываясь болью в душе и неминуемо сказываясь на творчестве. Трудно было не потерять себя и веру в торжество справедливости.

Что спасало? Только люди этой удивительной страны! Здесь судьба свела меня с необычным человеком, заслуженным работником культуры Республики, поэтом, на стихи которого написан не один десяток поистине народных, национальных песен. Под началом Анатолия Владимировича

Томашевского мне довелось поработать в редакции газеты "Асіповіцкі край". Это был лучший период моей жизни! Руководитель печатного органа одного из районов Могилевской области явился для меня образцом порядочности и понимания внутреннего мира человека. Даже на одном его примере я буду вспоминать о белорусах, как о самых верных и добрых друзьях. Они осторожны в общении, работящи, экономны, сразу – недоверчивы и малодоступны. К такому образу жизни их приучили прожитые века на перекрестке интересов двух миров, Запада и Востока. Но они чисты мыслями и душой. И если совместными делами завоевано их доверие - вы будете друзьями навсегда!

В силу жизненных обстоятельств мне пришлось покинуть край добрых и самобытных людей. Но в память о них, с верой в светлое и совместное будущее, я и назвал этот раздел сборника "Добрый раніцы, Беларусь!" Доброе утро и ты, городок Осиповичи, моя вторая малая родина! О тебе остались в сердце самые РАДОСТНЫЕ и самые ГРУСТНЫЕ воспоминания...

Тяжёлый сон

Мне снилась далекая Родина,
Метель по родному селу,
И майна - косая уродина,
Как трещина по стеклу.

Не сумерки, тьма беспредельная,
Такая, хоть выколи глаз,
Тоска, будто девка панельная,
Себя предлагала не раз.

Крыльцо до порога завьюжило
Снежком вперемешку с песком,
И брехи собачьи простуженно
Царапали слух наждаком.

Вновь тучи разрывами вспутились,
Утюжа поля тяжело.
Меня силы мрака измучили,
Когда же весна и тепло?

Я тупо смотрел в непогодину,
Забыв о друзьях и делах.
Когда же рассветную Родину
Увижу я в радостных снах?

Обращение к душе

Спи, дерзновенная душа,
Я диктовать немного вправе,
Коли не смыслишь ни шиша
В перипетиях хищной яви.

Кому нужна твоя тоска
По ледяным, весенным водам,
По деревенским хороводам,
По зыбким замкам из песка?

Смирись под грузом нудных дел,
Живи работой ради хлеба,
И жалкой плоти на потребу
Постигни нищенский удел.

Как на прощанье, колобродъ
Хмельно, широко, вольно, звёздно.
Настанет час - попросит плоть
Любви твоей.

Да будет поздно.

На Дретуньском полигоне

Мне кажется, что невозможно
И в спящем лесу постареть.
Вонзаю я в дёрн осторожно
Лопату на чуткую треть:

Росточек, ещё не берёза,
В холодном пролеске устал,
Его поломали б морозы,
Иль град по злобе захлестал.

А я ему строю шалашик
Из лапника сильной сосны.
Расти под защитой не краше,
Но встретишь дыханье весны.

А лет через пять, если хмарно,
Коль буду ещё я живой,
Берёза, склоняясь благодарно,
Отдаст долг тенистой листвой.

Другу детства Николаю Пономарёву

1
Колькин дом

Ну что за дела,
Тут же печка была,
Которая нас
Теплотой обняла,
Когда заблудились
Зимою в лесу
И взрослые нас
Принесли на весу.

Вот здесь была дверь,
Почему-то стена,
И даль из окна
Нам уже не видна,
Но то хорошо,
Что в соседнем окне
Всё та же ветла,
Только ствол почернел.

Курятником стал
Хрусткий наш сеновал.
Был конь, что к ночи
От сохи уставал,
И мы, пацаны,

Добрай раніцы, Беларусь!

*Ради новой зари
Лепили ему
На губу сухари.*

*От старого дома
Осталась печать:
Не плакать, не ныть,
Помолчать, не бурчать,
И ручка дверная,
И солнце на ней
Каноном библейским
В конце наших дней.*

*Фундамент усох,
Будто дряхлый старик,
Но дом - он не прост,
Он - почти материк,
Он прожил свой век
Никого не хуля,
И в чём-то подобен
Планете Земля.*

2

*Рассвет никак не мог включиться
Сквозь ночи жиденькую муть.
Мне оставалось огорчиться,
Последней рюмкой «подлечиться»,
Лечь на кровать и вновь уснуть.*

*И снился сон: возня в вагонах,
И поезд на втором пути,
И станции на перегонах
Я видел, но не смог сойти.*

*Куда, зачем, не знаю, право,
Столбы летели, как лузга,
Холодный ветер слева, справа,
Мосты, развилки, переправы
И стыки били по мозгам.*

*Где мой ночлег?
Моя обитель?
Где даль неясная, где близъ?
И кто сегодня победитель,
Я
Или эта сука - жизнь?*

*Что испытал, то монотонно
В словах не рассказать тебе,
Стучали, лязгая, вагоны -
Будто по рельсам - по судьбе.*

*Любви случайная подружка
Стонала в лунном серебре...*

*Проснулся я. В слезах подушка
И утро в сile на дворе.*

В потемках человеческой души

Жизнь – одна. Другой не будет. И никакие постулаты различных религиозных конфессий лично меня не убедят в том, что она повторится. Когда-то. В ком-то. Сказка остается сказкою, даже если она красавая. Каждая уходящая минута, как выпитая вода, растворившаяся в организме и времени, безвозвратна. Каждый шаг по ступеням ежедневных любимых и не очень дел приближает нас к осознанию бытия в его неизбежном окончании, даря радость и горе, испытания и наслаждения. Иногда возникает желание перенестись в прошлое, чтобы не совершить уже зафиксированной действием ошибки. Но это невозможно. Жизнь, как чистый лист бумаги, на котором и поэзия, и проза повседневных проблем пишутся только набело. А посему возникающее периодически желание подведения некоторых итогов через активную концентрацию мысли, или, наоборот – в состоянии всепроникающей депрессии, подталкивает человека либо на дальнейшее созидание, либо опускает его в пучину отсутствия заинтересованности в продолжение жизни. Можно поспорить, кто в состоянии добровольно покинуть сей мир, люди сильные духом или безвольные. Какими были, сильными или слабыми, суицидники

Сергей Есенин (по официальной версии), Владимир Маяковский, осудивший шаг в петлю и повторивший этот шаг выстрелом в висок, Александр Фадеев или, ближе по времени, Юлия Друнина? Ясно одно, что ощущение психологической пустоты, ненужности, отсутствие семейного тепла, финансовые и иные проблемы, а, значит, кажущейся бессмысленности существования посещали, должно быть, в той или иной степени, каждого из нас. Одни находят в себе силы противостоять эмоциям, вернуть собственное “я”, а другие... Вправе ли Мы осуждать ИХ?

Христианская религия в вопросе “быть” или “не быть” – категорична: жизнь человеку дана Богом, является даром священным и никто, кроме Него, не имеет власти над жизнью, ибо верующий, ушедший из мира по воле своей, продает душу врагу рода человеческого – Сатане, а потому наказан будет за этот тяжкий грех. Религия убеждена, что лечить надо не тело, возжелавшее тлены, а души людские, направляя их в веру, тогда и самоубийство не станет, ибо постигший заповеди Господни не сделает роковой шаг.

По мнению моей знакомой учительницы с 14-летним стажем, воспрепятствовать суицидам крайне

сложно. По ее, не менее категоричному мнению, ТАК поступают только слабохарактерные люди, не нашедшие себя в работе, оставшиеся в одиночестве из-за особенностей поведения, не реализовавшие свои планы, столкнувшиеся с обманом со стороны близкого человека.

Да, все это случается. Но нет, на мой взгляд, в жизни настолько весомых причин, которые могли бы послужить абсолютным толчком к самоубийству. Как ОНИ не задумываются хотя бы над тем, какую обжигающую боль принесут своим родителям, вырастившим живое существо во благо, как возможную опору в недалекой старости? Почему ничего не заметили (или не захотели заметить?) и не воспрепятствовали факту, посчитав ЭТО за игру, друзья, которые иногда, по меркам сегодняшнего времени, бывают ближе и родней, чем родители? Неужели мнимая красота потустороннего мира, который якобы существует, лучше нашего, пусть иногда и обижающего, но по сути своей – величного и светлого, с игрой в "чижика", с первым поцелуем и с первым рублем, заработанным собственными руками? Причина, будь-то венерическая инфекция, алкоголь, измена любимой, наркомания и осознание ее последствий, обнаружение

онкологического заболевания и прочее, и прочее, всегда найдется. Она – всегда найдется... Главное, ее к сердцу не подпускать.

По определению одного из психологов, человека, ежедневно сталкивающегося с проявлениями невротических расстройств, с суициdalными явлениями бороться сложно, но возможно: "Снижение уровня жизни, сужение интересов личности, нагромождение в видеофильмах мистики, вампиризма, нападений космических пришельцев, злоупотребление спиртными напитками, сексуальные расстройства – эти и другие причины подталкивают человека, практически любого возраста, на роковой поступок. Проблемы могут быть у каждого. Близкие обязаны заметить отклонения в психике, помочь в трудную минуту подростку. Человек создан для жизни, и обрывать ее из-за какой-то, в конечном итоге, разрешаемой проблемы – просто глупо".

Думаю, что «пощекотать» нервы полезнее другим способом: первым найденным грибом, ожиданием любви, томлением под окнами роддома в надежде на наследника, взглядом за горизонт... В этом – смысл вижу.

**По Свисложи
листок плывет
опавший**

Уже о судьбе отпечалясь,
Вдоль битого жизнью мостка,
Плыёт по воде, не качаясь,
Кораблик сухого листка.

Сорвала его непогода
С родимой мамани-ветлы.
Пожить бы ещё хоть полгода,
Да зимние выюженъки злы.

Не в поисках призрачной славы
Листочек покинул свой дом -
Уж лучше по волнам поплавать,
Чем стать к декабрю хрупким льдом.

Куда от судьбинушки деться,
Вперёд! без руля и ветрил.
Кораблик, приплывший из детства...
Он в чём-то меня повторил.

Случайная встреча

Мне бы в эти глаза не влюбляться,
мне бы дальше болеть от тоски,
нет, чёрт дернул
вдогон разобраться,
чем они
так знакомо близки -

тёмно-карие,
с каплей зелёнки,
а взглянувши на брови-крыла,
понял вдруг,
что они от девчонки,
что давно по соседству жила.

Мать честная!
Вот встреча так встреча!
И на миг воспарила душа,
и расцвёл в ней
сиреневый вечер,
и слова вырывались, спеша.

Мы, как пчёлы в цветок,
в чувства впились,
за ошибку... себя осудя,

Добрай раніцы, Беларусь!

и на вечер один заблудились,
как в трёх соснах,
в потоках дождя.

Отдышили слова сладкой новью,
отблестел лунный свет на плечах...
Не встречайтесь, ребята,
с любовью,
у которой источник заchaх.

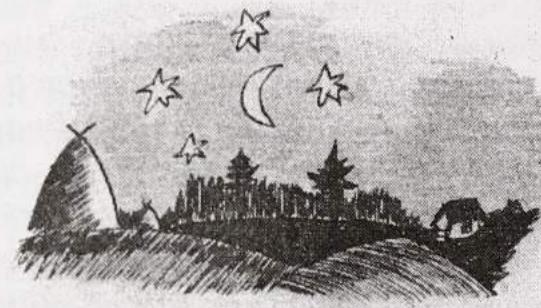

Обещание

В небо лужи ушли без следа,
Отгрели последние грозы,
И натужно гудят провода
В ожидании первых морозов.

Я вдыхаю холодную синь
По кусочкам, без запахов резких.
Мир вам, спящие древа осин,
И обильных снегов перелески.

Сквозь метель и пургу я пройду,
К вам вернусь с нетерпением снова,
И клянусь - непременно найду
На опушке подснежник лиловый.

Перед тем, как вы начнёте читать этот рассказ, познакомьтесь со словами, которые наши предки, славяне, употребляли очень давным-давно. Красивые слова...

Олонесь - в прошлом году

Травень - май

Поелику - пока

Зело - очень

Купно - вместе

Обапол - друг друга

Зарев - август

Денница - рассвет

Одебело - очерствело

Корст - гроб

Цена случайности

Олонесь, в травень, у меня в сарае поселился ёжик. Поначалу я его и не заметил, стараясь хоть немного благоустроить ветхое строение с датой рождения в годах пятидесятых. Застрявшая в углу арматурина привела меня туда, и с удивлением, за смятыми, картонными ящиками, я увидел аккуратный клубок сухих листьев и сена, а ещё через мгновение - остренькую, чуткую мордочку и блестящие бусинки глаз, смотрящих то ли

виновато, то ли испуганно. Незваный гость поелику в колкий шарик сворачиваться не торопился, видимо, не чувствуя ни малейшей опасности. Но на осторожное прикосновение к спинке отреагировал моментально обидчиво, фыркнув и поддав вверх иголками. Я отдернул руку, но поздно: наступила моя очередь обижаться, ибо из подушечек двух пальцев выступили капельки крови. «Ах, ты такой-сякой, нехороший, забрался в чужой сарай, да ещё и дерёшься,» - заругался я на ёжика, и существующий, наверное, в доисторический период «фрукт», свернулся плотнее, оградив себя непреодолимой преградой. Ругался я, конечно, для вида, понимая, что сам - виновник неприятного знакомства.

Сменив гнев на милость, я стал разговаривать с ёжиком ласковым голосом, извиняясь за чрезмерное любопытство и стараясь расположить гостя к себе.

И он понял! Дрогнуло и постепенно расправилось напряжённое тельце, и я вновь увидел теперь уже вопрошающие глазки, чего, мол, надо. Быстро накопав дождевых червей, я оглушил их

хлопками и осторожно положил перед черным, принюхивающимся носиком. Ёжик не стал кичиться, слопал угощенье и снова уставился на меня повеселевшими глазами. Так мы и подружились.

Уже не прячась, колючее создание пускалось путешествовать с наступлением темноты прямо по грядкам. А когда однажды я занёс его на ночь в дом, то зело долго не мог уснуть, с удовольствием прислушиваясь к постукиванию коготков по тесовому полу. К моему изумлению через месяц пропали мыши. И даже крысы, пожирающие с жадностью прошлогоднюю картошку и повизгивающие по ночам в подполе, утихомирились, а потом и вовсе сбежали куда-то. При наших коротких встречах я старался угостить «квартиранта» чем-нибудь вкусненьким. Он с хрустом съедал и корочки хлеба, и рыбы косточки, и даже конфеты. Налил как-то для пробы молока в блюдце, а по утру на его чистой поверхности играли солнечные зайчики. Так и прожили мы купно лето, приветствуя обапол кивком головы и забавным подёргиванием мордашки кверху.

Приближалась осень. Ёжик вел себя

беспокойно. Он то появлялся в сарае, то исчезал на несколько дней, проникая внутрь неизвестным мне ходом. А где бывал и что едал - про то не рассказывал. Но сухой листвы в его уголке добавилось втрое.

Зарев подгонял доспевающий урожай. Руки временно освободились от забот, можно было подумать и о ремонте сарая. Подсыпал песка под стены, обновил полки, выбросил скопившийся хлам, что-то переставил. Эх, если бы знать, что с того ремонта получится, то пальцем о палец не ударил бы.

Уборка пролетела последней ласточкой, оставив в душе и теле приятную усталость от осознания не зря потраченных трудов и времени. Полки прогнулись от подарков леса, сада и огорода. Очумевшая от свободы картошка, как купчиха, вольно развалилась в сусеке. Только морковь да капуста ещё добирали силу и свежесть из всё больше и больше пустеющей земли.

А ёжик пропал. Нет его и нет. Пуст обжитой угол неделю, другую, третью. Несколько раз на деннице, с фонарём, я приходил в гулкий сарай, но не светились

искорками ставшие родными глазки, не шевелилась слежавшаяся листва. «Наверное, женился, или в лесу квартиру нашёл», - подумал я как-то и за зимним бездельем, книжками и охотой позабыл про неугомонного топтунчика.

Причина его отсутствия выяснилась поздней весной, когда я развершил лежащую рядом с сараем кучу обрезков в поисках материала для помидорных подпорок. Измятый талой водой, под ней лежал скукожившийся трупик моего ёжика. Нет, он не бросил меня, а пытался вернуться в жилище, но неосторожный ремонт перекрыл ему лаз в тёплое гнёздышко, а я поневоле стал виновником его смертного часа. Одебело мое сердце от горюшка, да содеянного не воротишь. Вот как бывает.

В берестяном корсте похоронил я бедолагу. Выпил за упокой души его ежиной «соточки». И по сию пору почти сровнявшийся с землёй холмик под яблоней напоминает, как иногда случайно, но жестоко мы можем обидеть живущих рядом. Больше года прошло, а совесть мучает. Потому и написал я этот рассказ, может, легче станет.

Любе Емеленко
(Староверовой),

женщине из поезда жизни,
поддержавшей морально
в трудную минуту бытия

В сопках жили староверы
С мозолями на руках,
Сохранив виденье веры
В рассосавшихся веках.

Из одной не пили кружки,
Соблюдали в жизни пост,
В сундуках – в мешне полушки
Да одежка на погост.

Но пришла пора иная...
И в стремлении лихом
Вознеслись они, стеная,
В небо красным петухом.

Сизый дым растаял быстро.
Ты их чувства не суди.
Староверовская искра
Ожила в моей груди.

И погасла...

Белорусский октябрь

Удивительны шутки природы!
Опустел без цветов палисад,
Крепкий иней лежит в огородах,
Но
Полон яблок
Заброшенный сад.

До ствола все листы облетели,
Ветр безжалостно месит траву,
На носу снегопад и метели,
А они, как в июле, живут!

Не рискуя в падении глянцем,
Так хотят подрасти бы ещё,
Но не солнце, морозец румянцем
Красит яблокам выпуклость щёк.

«Вот упорные, вот недотроги!», -
Восхищается весь белый свет.
А на яблоки смотрят с дороги
В них влюблённый, голодный поэт.

И своей благородной начинкой
Сад заброшенный манит не зря:
Сок холоден, а зёрна с горчинкой -
Вот вкус яблок в конце октября.

Беларусь и Россия

Я живу и пишу для России
Даже в этой прекрасной стране,
Где рассветы так ласково сини,
Где язык и родня - всё по мне.

Не приму я упрёк, что зазнался,
Сбросил с плеч русских горечей груз,
Я в любви никому не признался,
А России всегда признаюсь.

Я люблю её даже такою:
Злою, нищей, продажной, пустой,
И себя, и ее беспокою,
Когда в сердце беру на постой.

Возмущаюсь на глупость без меры,
Матерюсь на неё в бога-мать,
Но не тает глубокая вера,
Что хребет у Руси не сломать.

Пусть друг другу помогут в недуге
И в великой за счастье борьбе
Две сестры, две страны, две подруги -
По родству, по любви, по судьбе!

* * *

В моих снах голубых,
Невесомых, но сильных,
Как подарок судьбы –
Зов далекой России.

Как всегда – не горда
Огоньками селений,
Она – в чем-то беда,
Крест мой во искупленье.

За Уралом в степях
Вольно людям и птицам,
Там и псам на цепях
Что-то доброе снится.

Я вернусь... Но когда?
Вот вопрос из вопросов.
Но как манит туда
Омут снежных заносов!

Быль

(рассказ белорусского пенсионера)

Когда пришли "гансы", то выгнали семью из дома. Мать и сыновья поселились в сарае, потом - в погребе, сколотив из старых досок хлипкие нары и забросав их тряпьём. К погребу прорыли наклонную траншею, пробили стенку, а вход занавесили деревянной. Под печку приспособили ржавый бидон, прорубив в нём поддувало. Когда выпал снег, стало теплее, только дух от давно немытых тел поострел, а стены на полметра от пола покрылись ломким куржаком. Топили постоянно, скальвавая щепки от завалившегося неподалёку забора. Сначала ели остатки картошки, запекая её в быстро остывающей печке. Откапывали из-под снега начинающие гнить капусту и морковь, падалицу. Потом - постукивающие друг о друга, как стальные шарики, кисточки рябины. Потом - что попало, лишь бы притупить постоянное, сосущее силы, чувство голода. Жить стало невмоготу, и старший, Димка, пошёл в услужение на немецкую кухню. С утра и до вечера он таскал воду из проруби, колол дрова, подметал дорожки и за

работу каждый вечер получал банку рыбных консервов, да ещё собирал мёрзлые куски пищи из солдатских котелков.

Отступила голодная смерть, но умер от простуды младший братишко. Его похоронили на опушке близкого леса в сугробе, копать могилу сил не было. Береглись, как могли, стараясь не попадаться на глаза бесцеремонным немцам, которые иногда с гоготом мочились сверху на жалкое подобие двери. Заболела и мать, не поднималась вторую неделю, бессмысленно поводя глазами и бормоча невнятное, а самое плохое - не ела и редко пила, с трудом разжимая распухшие губы. К весне тихо угасла, вздохнув глубоко и не выдохнув. Жить стало не для кого. Забрав бидон-печку, Димка обвалил стенки траншеи и, засыпав крышку погреба, перебрался в сарай, отгородив в нём угол снарядными ящиками. Так дотянул до тепла.

К следующей зиме готовился основательно: забил ящики и щели между ними сухим мхом, осторожно воровал консервы, густо обмазывал их солидолом и закапывал в лесу под выворотнем. Там же, на поляне взрыхлил клочок земли и посадил картошку. Сушил грибы, ягоды, собирал жёлуди и орехи, примечал, где кучкуются

дикие пчёлы. Уследил воровство долговязый Генрих, порол жестокоремнём от термоса, но с кухни не выгнал, потому что от всей деревни один Димка остался, остальные либо вымерли, либо разбежались.

Вторая пленённая зима пролетела быстро. Орда увеличилась неимоверно, что-то готовилось.

Измученный беготней, поварёнок посматривал на восток, где-то там были свои, а ещё слышал - большой город Курск. И вот летом, из восхода, густота разрывов причесала остатки деревни так, что как корова языком слизнула и десяток "панцермашинен", и бочку с "вассером", и Генриха с его любимым "русиш шайн". Димку завалило ящиками, живым остался, но оглох до полуденного солнца. А в середине дня с пехотой на броне и звёздами на башнях мимо прокатили танки. Так для мальчишки закончилась война.

В сорок восьмом его посадили на десять лет "за сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами". Отсидел шесть. На власть зла не держит, мол, время такое было.

Но плачет беззвучно седой человек, отвернувшись к стене. И я вместе с ним.

Отпуск

Здравствуй, Родина! Я вернулся.
Не совсем, а всего на три дня,
Выходя из вагона, споткнулся,
Значит, все-таки помнишь меня!

Где живу я – достаток и чисто,
Не найдешь горсти прелой листвы,
Только нет там такой бархатистой,
Убаюкивающей травы.

Те же птицы, такие ж березы,
В нудном месяце столько ж недель,
Только нету крещенских морозов,
И в январь слякоть, будто в апрель.

Напои же меня детским смехом,
На парах подержи на весу,
Дай послушать щемящее эхо
От кукушечьей песни в лесу.

Я усталым таким еще не был,
И вдали от родимой земли
Я другим берегам на потребу
Раздарил чувства, как корабли.

Помоги... Я уже улыбнулся
Твоим речкам, цветам, проводам.
Здравствуй, Родина!
Я вернулся.
Но уеду.
Простишь ли когда?

К России

Живя в ожиданье свободы,
Мне Родина спать не дает,
И плачет она, и поет,
И водит свои хороводы.

А я, ею брошенный сын,
Хотя снова хмурое утро,
Лишь ей улыбнусь, не кому-то,
Сквозь рощу багряных осин,
Как будто забрызганных кровью.

Эх, горькая сторона...

Я жду. Может быть, и не стою,
Что сына покличет она.

И я побегу, спотыкаясь,
На голос ее издали,
Волнуясь, как мальчик, раскаясь,
В разлуке духовно намаясь,
Склоняясь до самой земли.

Прими, коли все же простила,
Обиды и ругань не в счет...
И свежая, дерзкая сила
По жилам моим потечет!

* * *

Далеко мне лесами, полянами
до родного до боли села,
где когда-то овсяная, манная
каша к жизни меня подняла;

Где цвета голубые да белые,
да зеленый – любили меня,
где писал я стихи неумелые,
сопя носом, в прохладных сенях;

Где грудь в грудь
потолкавшись с туманами,
детских дней продолжая игру,
окуней полосатых с гольянами
мог просить у озер поутру;

Где нетленна дремотно знакомая
за окном воркотня голубей,
где телята, укрывшись соломою,
спят, с картошкой поев отрубей.

Я сегодня, заласканный ветрами,
их раздвинув упрямо плечом,
путь до дома не километрами,
а тоскою своею прочел.

Добрай раніцы, Беларусь!

133

Анатолию Томашевскому,
редактору газеты
“Асіповіцкі край”
Могилевской области

Не печалься, мой друг,
Много в жизни изъянов...
Сколько света вокруг
На душистых полянах!

В земляничном соку
Наши губы и души,
Косачей на току
Скоро будем мы слушать.

А еще через срок
В месяц или поболе
Вислозадый сурок
Свистнет: “Здравствуй!”, -
нам в поле.

Глянь, на старом пеньке
И чуть-чуть воровато
Притаились в теньке,
Как мальчишки, опята.

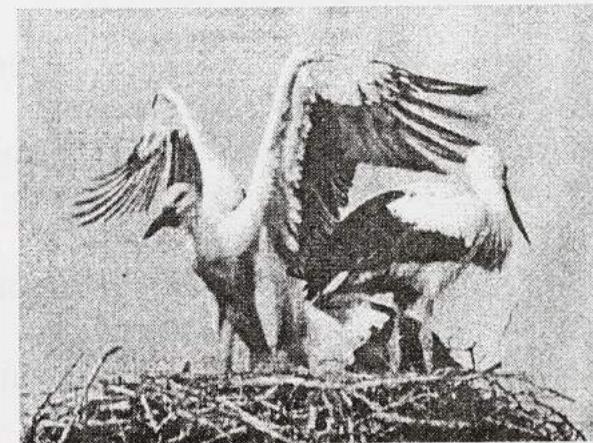
Не гляди на межи
Даром копья ломая...
Где живешь ты, скажи –
В сентябре или в мае?

Зная жизнь без прикрас,
Зов Вселенной услышав,
Мы уйдем, но за нас
Внуки верши допишут.

Потому и спешим,
Спотыкаясь немного,
Для заблудшей души
Указать путь-дорогу.

Впереди, как всегда,
Как бывало и прежде,
Не земля, не вода –
Белый парус надежды.

Верши – стихи (бел.)

Родному Зауралью

Когда уйду я вольно иль невольно,
Когда сотрётся мой последний след -
Разлука будет вечной моей болью,
Вина не меньше до скончанья лет.

В красивый сон берёз зеленоглазых
Мне нет поводыря, кроме судьбы,
Но жизнь - эта разлучница-зараза -
Уже готовит доски на гробы.

По шарику земному нас не тыща,
А тьмы и тьмы. С того и род зачах,
Без Родины слепых, духовно нищих,
Но ожиревших на чужих харчах.

Так и живём, всё ж веря подспудно,
Что мы когда-то будем на крыле,
Терять легко, а возвращаться трудно,
Когда привязан действием к земле,

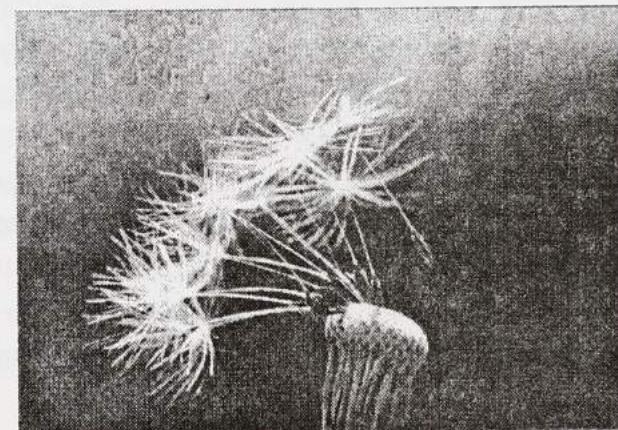
К земле иной, прекрасной и великой
Своим долготерпеньем и трудом...
Не может быть Отчизна многоликой,
И есть всегда один родимый дом.

* * *

Я спускаюсь на гречную землю,
Чтоб пройти по тому же пути
И понять:
Всё, что было – приемлю
Светлым ангелом во плоти.

На судьбу в целом я не обижен,
Многим был во делах кум и сват,
Если в чём небесами обижен,
Так, наверное, сам виноват.

Но к чему-то всё чаще и чаще
Снится мальчик, зовущий рукой...
Не имеющий, да обрящет
В новой жизни хлеб-соль.
И покой.

Этюд о детстве друга

Пройти по тропинкам далекого детства... Кажется, чего проще: встань уже немного уставшими ногами на ту же землю, на которой стоял более полувека назад, осмотрись по сторонам, улавливая знакомые приметы и вернись мысленно в прошлое.

Вот переулок, откос перед излюбленным местом купания. Но затянуло ряской чистую воду. Сбоку, у мостка лодка зыбкая качается. Да не та. Под той, перевернутой на глубине, ты дышал учащенно, опасливо, но с восторгом – высматривая – а не блеснет ли внизу под косыми лучами благодатного солнца перламутр ракушки? Ее острые, как лезвия, края постепенно обламывались при неосторожных движениях, долго храня в себе запах ила и холодок подводных течений. По сю пору на взъеме ноги белый рубчик-шрам, как непонятая нота из полузабытой песни.

Да, детство... Оно, как старый, заброшенный клуб с провалившимся крыльцом и пустыми глазницами оконных проемов. Помнишь, возле него ты подрался за благосклонный взгляд местной Дульсинеи? Где она теперь, неведомо. А вот скамейка-бревнышко, стесанное снизу для упора, на котором вы, подражая взрослым, целовались –

сохранилось до сих пор. Даже зарубки, сделанные твоим перочинным ножиком, остались, заглаженные ветром и дождем до скользких ребрышек.

Милые сердцу воспоминания... Сарай с сеновалом... Заветный уголок с мальчишескими сокровищами: стеклышико, сквозь которое мир цвел нежно-синим; пара кремней-голышей, пахнувших после удара друг о друга и искр чем-то неведомым, но узнаваемо знакомым с доисторических времен, на генном уровне; кучка патронов из военного лихолетья; ржавый штык, неожиданно найденный удивленным отцом на десятки раз перепаханном огороде. Ничего не сохранилось. Лишь первое школьное фото лопоухого мальчишки с ровным чубчиком напоминает, что оно, детство, все-таки было.

“Мамо, кушать хочу”, - звук этих слов, кажется, навсегда впитался в голые стены еще крепкого родового гнезда. Давно оно опустело. И не поторопится мама навстречу с тогда надоевшими, но такими желанными бы сейчас драниками или с миской душистой затиухи. Дороги увели от скучной пищи детства в края неблизкие, а потом и сама жизнь определила иное место для гнездования. Поэтому и бурьян под крышу, потому и полынь горькая в

палисаднике хозяйкой разлеглась. Не изменить сущее. Лишь иногда полыхнет мыслишка: “Уеду, уеду...”, – да и погаснет под нудным, моросящим дождиком повседневности.

И не было ОНО безоблачным и невесомым, как в книжках пишут. Сколько себя помнишь, то дрова в поленицу складываешь, то бульбу в корзине с огорода тянешь. А она тяжеленная. И как не надсадился только. Не было ОНО и веселым. Дети, в войну рожденные, молчаливые. Тепло и солнце любят. Не хватало тепла-то.

Странное оно, детство. Начинаешь вспоминать о нем, то мысли, как кузнечики прыгают, с одной травинки впечатлений на другую, с года на год, все вперемешку. И размыты как-то, забываются. Странны и тем, что встретишь одноклассника – после первого всплеска эмоций и поговорить-то не о чем. Но притягательны непонятым, какой-то нераскрытой тайной почти мгновенного бытия. Может, потому и вспоминается детство чаще с грустью, как изначальная искорка для освещения мира. Пусть оно живет в твоих воспоминаниях до конца дней, служа фундаментом в делах сегодняшних.

Драники – оладьи из картофеля (бел.)

Бульба – картофель (бел.)

Затиуха – кашица из воды и муки

Обращение к лесу

Хорошо! Тишина на опушке,
На пеньке неказистая снедь.
Я грибы, будто в детстве игрушки,
Поднимаю на свет рассмотреть.

Я нашёл их в краю тридевятом,
В чудном мире мальчишеских грёз:
Руки липнут к сопливым маслятам,
Притулившись к первым опятам
Подосиновик будто замёрз.

По кругам на волнушке-кокетке
Я пытаюсь, шутя, ворожить,
Хорошо в сентябре на опушке
Не спешить,
Не грустить,
Не тужить!

Всё так просто:
Вот лес, вот корзинка,
Я - влюблённый в грибную страду,
И к ногам приласкалась тропинка,
По которой до дома дойду.

Слышь, опять заругалась сорока,
Что в чертоги ее гостем влез.
Не прощайся со мною до срока
С детства милый, берёзовый лес.

О родных, о сумкинских местах

Издалека
всё кажется иным:
и кладбище в березах,
как некрополь,
и великаном неказистый тополь,
столбами -
печек жидкие дымы.

Коль пойман окунь,
то на килограмм,
в лесу тропинки -
сёстры пёстрым лентам.
Я статус парков улицам, дворам
присваиваю местным президентом.

В родных местах
растут волнушки - сплошь,
и воробей - крупней вороны втрое.
Слова незнамы:
подлость, блажь и ложь.
Там люди - ангелы,
а деды - все герои.

Россия потому душой чиста,
что мы – сыны –
хотя бы в мыслях правы.
Ведь любим мы родимые места
сильнее жизни ради их же славы.

* * *

Как спасательный круг,
Ранним утром и днем
Сотни пташек вокруг
Мне поют соловьем:

“Позабудь, откажись,
Русь тебе не нужна,
Тут не жизнь, там не жизнь...
Так какого ж рожна?

Прошлый путь осуди,
Снова гнездышко свей,
И во сне поброди
По деревне своей!”

А закрою глаза –
Вижу, как образа:
Берег в блестках песка,
Ряску возле мостка,
Золотых карасей,
Горлопанов-гусей,
Снег на павшей листве
И росу по траве.

Потому и берусь
Во все строчки трубить,

Добрай раніцы, Беларусь!

Что родимую Русь
Не устал я любить.

Срок придет умирать
Жесткой яви и снам.
Только Мать выбирать
Не приходится нам.

146

Капельки жизни

Желание

Я, конечно, вернусь
Хоть больным, хоть седым
На родимую Русь,
Чтобы стать молодым.

Я вернусь хоть каким,
Доползу, доплыву
И войду в уголки,
Для которых живу.

Заблужусь допоздна
В переулках села,
Чтоб моя сторона
Новой силы дала.

Обманувши судьбу,
Хоть с пустою сумой,
Хоть живой, хоть в гробу,
Но вернусь я домой.

Добрай раніцы, Беларусь!

147

Белорусский мотив

Да, есть в жизни счастье,
Хотя бы и в том,
Что маслица пластик
На хлеб не потом,
А нынче намажу
И чаем запью,
И чарочку даже
С устатку налью.

Да, есть в жизни счастье
Рассветной зари,
Когда разной масти,
Но лишь козыри:
И краска черники
На спелых губах,
И соль от работы
На ткани рубах,
И окунь зубастый
На крепком крючке,
И проблеск нечастый
На маяке.

Есть счастье в разливе
Вечерней зари,

И сливы на сливе,
Что ни говори –
Протяжное “му-у-у”
Раздоённых коров
И запах духмяный
Распиленных дров.

Несчастья – не знаю,
Его просто нет,
Пока в этой жизни
Есть солнечный свет,
Пока не сгубили
Тоска и вино.
Несчастье... Оно
Гультаём рождено.

Гультай – бездельник (бел.)

Обращение к России и Беларуси

Твоим родникам поклонился я сам,
Болотам и перелескам,
Где так же сохатые
Прут по лесам,
Как там, на Руси,
С шумным треском.

Ни в чём я пред Родиной
Не виноват
И память о ней не остынет,
Но в сердце моё постучался набат
И пепел сгоревшей Хатыни.

Россия - Любимая, Мать, Жена -
Стремленье к тебе не пропало.
Слезой омываю рассказ Шукшина,
Рыдаю от вершай Купалы.

Я вас напою из колодца души
Холодной зимой, жарким летом.
Одно огорчает, что, как не пиши,
Не стать белорусским поэтом.

Тоска по Родине

Я скучаю по снегу,
По морозам трескучим,
По ледовому бегу,
По полозьям скрипучим,

По собачьему лаю
Деревенских дворняжек.
Очень мне не хватает
Мата русского даже.

Я хочу в поле белом
В вихрь попасть, что погуще,
Чтоб лицо задубело
От метели секущей,

Чтоб от милой землицы,
Пусть хоть самую малость
Индевели ресницы
И дыханье смерзалось.

А когда выйдут силы,
Подведут глаза оба,
Пожелать, что могилы
Лучше нет, чем в сугробах,

Видеть сквозь вознесенье,
Что в Россию лечу я,
И поверить в спасенье
Запах дома почуяv.

Про петуха Кузю

Бабка Анисья вся изрыдалась. “Разбойник проклятущий, чтоб тебя лихоманка взяла”, - ругалась она на петуха Кузю. А что ей оставалось делать, когда тот после смерти деда почувствовал себя полным хозяином во дворе.

Отступались от калитки соседи, завидев его вечно алый, воинственно торчащий гребень, и шли соль занимать куда подалее. Пряталась на чердаке кошка, а если и бежала по делам, то по тенёчку, да и то с оглядкой и шустренько. Потоптанные, измятые куры почти не вылезали из укромных уголков, и их частое кудахтанье всякий раз возвещало о новой заслуге щедрого и скорого на любовь муженька. Истерзанные грядки огурешника с трудом рожали пупырчатые, покалывающие огурцы и матово-глянцевые помидоры. Казалось, даже дождевые черви покинули перепаханный острыми коготками огород, так вкусно и с азартом кормил свой гарем Кузя. Было, отчего заругаться.

Позвать бы племяша, чтоб зарезал

Добрай раніцы, Беларусь!

поганца, но жалко, ибо не было ни у кого в деревне такого драчливого, горластого и красивого пивня. Не иначе дикие гены далёких предков свободного петушиного племени воспряли от спячки и дармовой кормёжки, и выплеснули из недр своих такое вот беспрокойное чудо. Как заскочит перед денницей на плетень, покатает что-то в горлышке, прочистит его низким клекотаньем, да и выдаст песнь, куда там радио, будильнику не родня, звучнее много. И не дай Бог, забредёт на усадьбу собака бездомная, телок мокрогубый, или ошалевшая от жары коза под ботву картофельную притулится – вмиг Кузя объявится и зачнёт гонять горемычных до помрачения рассудка. И ухлестает та коза, куда Макар телят не гонял, а потом ищет её хозяйка до первых зорок, а нашедши, ещё и отпулит почём зря за блукание.

Наблюдательным пунктом избрал Кузя конёк прокопчённой бани и целыми днями озирал сверху окрестности, по разумению и понятию своему вмешиваясь в дела житейские. Особенно невзлюбил председательскую "Волгу", каждый день проезжающую мимо и бибикавшую на

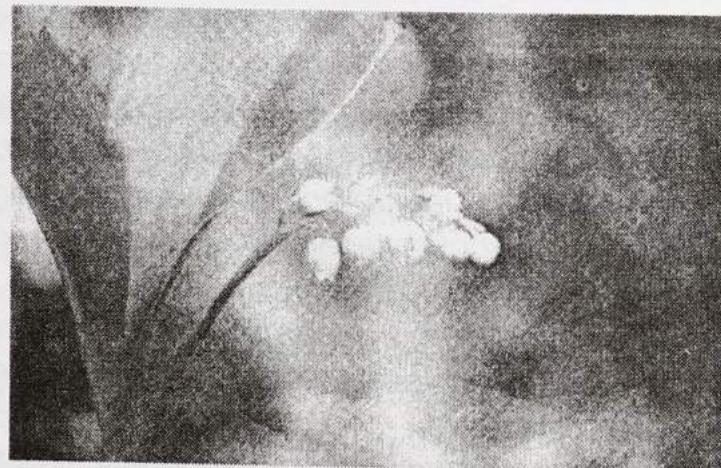
домашнюю живность. Решил и с ней сразиться. Вышел как-то на дорогу, расшеперил крылья, заскрёб лапками, растолкался и запрыгнул на капот машины, затормозившего от такого нахальства председателя. Тот посигналил. Кузя клюнул в лобовое стекло. Председатель отшатнулся и, матерясь, вышел из кабинки.

Лучше бы он этого не делал. Тут уж Кузя весь свой характер вздорный выказал. Он так яростно подпрыгивал, норовя шпорами поронуть перепуганного мужика, что только бабка спасла "честь мундира", заташив "главу" в прохладные сени, где он и просидел не менее часа, пока не стемнело - петух не уходил, караулил возле крылечка, вздыбив перья на разноцветной шее.

С тех пор и начались для бабки настоящие мучения. Где бы не встрел её председатель, всё спрашивал да советовал, банным листом прилепившись, зарежь да зарежь петуха-вражину. А деревня, это, брат, не городище, от молвы не спрячешься, уже и разговоры пошли, что "глава" даже с Кузей справиться не смог, чего уж тут за

руководство “обществом” речи баить. Председатель зверел, бабка отнекивалась. И дошло-таки дело до нехорошего. Выпил однажды председатель для храбрости, развел скорость и задавил спорхнувшего с бани и бросившегося было на новый бой Кузю. Пропала краса петушиная.

Во дворе поселился Полкан. Куры завели нового ухажёра. Коза погрызла капусту. Кошка родила котят. Соседи заняли спички. Никакого порядка не стало.

Большое спасибо за снимки, подаренные моей памяти белорусскими фотохудожниками Евгением Замориным, Юрием Ильютиным и Дмитрием Саврицким. Новых вам успехов в творчестве, сябры!

О простом слове

Слова, слова...
В них боль и созиданье,
И колыбельная,
И грубый окрик “Стой”,
И новые открыться в мирозданьях,
И тихий дождь мелодии простой.

Слова, слова...
Мощны, пустопорожни,
И часто злы,
Чего душой кривить,
И привыкать к ним,
Поживя, не сложно,
И новыми почти не удивить.

Они всегда нам
Услужить готовы,
Хотя и не имеют ног и рук.
Цени, мой друг,
Обыденное слово,
Его, будто последний,
Вечный звук.

* * *

Таинственная русская душа...

Ты – звон пчелы над васильковым полем,
Ты – складка губ, немеющих от боли,
Ты – звон последнего пропитого гроша.

Ты – маков цвет и в клетку свет,
Ты – стон мечей на поле Куликовом,
Ты – кровь, которой написал поэт,
Что “в этой жизни умереть не ново”.

Таинственная русская душа...

Ты – самая святая из пропащих,
Сложившая в кармане два шиша
На власть любых имуще-придержащих.

Когда враги свой скорый суд верша,
Присвоив это право силой злата,
Ее терзали, то ругалась матом
Измученная русская душа.

Уверенная в том, что смерти нет,
Что бы о ней фантасты ни гадали,
Ты – утренний, бесхитростный рассвет
И вечный зов в неведомые дали.

В ожидании встречи со строчками

Они - мука...

Можно проснуться ночью, лежать с открытыми глазами, уставясь в меняющий окраску и форму потолок, и думать: “А что это было?”. А были они, стихи, ошеломившие простотой и звучностью, написанные без помарок и мгновенно, но во сне. Вот так и живёшь: то не проснуться, чтобы успеть прочесть сонные «шедевры», то не уснуть, потому что написать хочется, а мысли вразлёт.

Период осознания собственного «я» и всего того, что окружает, закончился. Остаётся лишь строчками-явью реагировать на происходящее внутри.

Они не даются даром. Но не верьте, что стихи - это вдохновение. Да, толчком к ним может послужить какой-то запах, воспоминание, необычный факт поведения природы или мозгового материала, но чаще всего - это обыденное явление, увиденное и оцененное СВОИМ взглядом. В целом, писать стихи - это такая же

работа, как и любая другая. Было бы желание.

Чего мне не хватает, чтобы писать лучше, вижу же все изъяны авторства. Прежде всего, образования, которое даёт свободу мгновенного мысленного перемещения по кладезям истории и искусства. Практика "набивает" руку, но истощает слово, ибо вхождение дважды в одну и ту же реку строки и постоянный улов в виде золотой рыбки новизны невозможен без обширных знаний. Недостаточен объем общения с творческими людьми, что стимулировало бы похлеще допинга очередной влюблённости.

Тоска по недостижимому прошлому и ощущение незащищенности перед будущим обостряет чувства. Но психологический отдых намеренно недоступен, потому что жить - думая - высшая точка человеческого бытия.

А потому - впереди новые встречи и впечатления. И новые стихи. Пока живу, пусть мучают непреходящей жаждой и желанием ещё, ещё одного глотка живительной влаги из родника вечности.

Содержание

Из цикла «Все мы родом из детства»

1. Святая как хлеб.....	5
2. О себе и о стихах.....	7
3. Воспоминания о детстве.....	9
4. Прятки.....	13
5. Пустырь.....	14
6. Приближение грозы.....	15
7. Пастух.....	16
8. Кузнец.....	18
9. Воспитанник вокзалов.....	19
10. Живу осенней, грустной паутинкой.....	20
11. Старая баня.....	21
12. Наша кошка.....	22
13. Хорошо нырять, дурачась.....	23
14. Бабушке.....	24
15. Дедушке.....	24
16. Наша жизнь.....	26
17. Лосенок.....	27
18. Живет меня не замечая.....	28
19. Паслен.....	29
20. Речка склеила туманом.....	30

21. Песнь о корове.....	31
22. За далью дальней.....	32
23. Слово в защиту крапивы.....	33
24. В Сумках, селу однолетка.....	34
25. Зов.....	36
26. Как память о первой любви.....	38
27. Другу.....	39
28. О.А.Макаренко.....	40
29. Скоро зима.....	42
30. Осень - горькая полынь.....	43
31. Край любимый.....	44
32. В kraю родном.....	45
33. Мой старый дом.....	46
34. Реквием исчезнувшим деревням.....	47
35. Муравейник.....	49
36. Путешественники (рассказ).....	51
37. Я пришел на эту землю.....	55
38. Прощание с детством.....	57

Из цикла

«Пора цветения»

1. Вступление.....	59
2. Мне приснились стихи.....	60
3. Дома, как и люди.....	61
4. В сырость вязкого тумана.....	62
5. Ночной марш-бросок.....	63
6. Ночная стрельба.....	64

7. Разговор автомата с мишенью.....	66
8. Счастье артиллериста.....	67
9. Полигонный дождь.....	68
10. После «тревоги».....	69
11. В лычках или звездочках погон.....	70
12. Я заблудился.....	71
13. Письмо родителям.....	73
14. На улицах и в парках.....	75
15. О, Азия!.....	77
16. Москва.....	78
17. Январский Киев.....	79
18. «Вечерняя заря».....	80
19. Мальчишки.....	82
20. Жене.....	83
21. Выходной.....	85
22. С годами слетает с событий.....	87
23. Сыну Сергею.....	88
24. Ветхозаветной старины.....	90
25. Я - русский.....	91
26. Блокъ.....	93
27. В сорок пятом.....	94
28. Другу.....	95
29. Моя Родина-Мать.....	96
30. Офицеры.....	98
31. Ой, куда ты, солнце.....	99
32. Ошибок вновь не повторить.....	100

*Из цикла
«Добрай раніцы, Беларусь!»*

1. Вступление.....	102
2. Тяжелый сон.....	104
3. Обращение к душе.....	105
4. На Дретуньском полигоне.....	106
5. Другу.....	107
6. В потемках человеческой души.....	110
7. По Свислоки.....	114
8. Случайная встреча.....	115
9. Обещание.....	117
10. Цена случайности (рассказ).....	118
11. Любe Емеленко.....	123
12. Белорусский октябрь.....	124
13. Беларусь и Россия.....	125
14. В моих снах голубых.....	126
15. Быль (рассказ пенсионера).....	127
16. Отпуск.....	130
17. К России.....	132
18. Далеко мне лесами.....	133
19. Анатолию Томашевскому.....	134
20. Родному Зауралью.....	136
21. Я спускаюсь на грешную землю.....	137
22. Этюд о детстве друга.....	138
23. Обращение к лесу.....	141
24. О родных, о сумкинских местах.....	143

25. Как спасательный круг.....	145
26. Желание.....	147
27. Белорусский мотив.....	148
28. Обращение к России и Беларуси.....	150
29. Тоска по Родине.....	151
30. Про петуха Кузю (рассказ).....	153
31. О простом слове.....	157
32. Таинственная русская душа.....	158
33. В ожидании встречи со строчками.....	159

*Автор
выражает огромную благодарность
Николаю Пономареву
и Любови Емеленко
за художественное оформление
сборника*

40р.

Владимир Филимонов

Капельки жизни (стихи, проза)

Художники:

Николай Пономарев, Любовь Емеленко

Фотографии:

Евгения Заморина, Юрия Ильютина

Дмитрия Саврицкого

Компьютерный набор и верстка автора

Лицензия ЛР № 071414 от 24.03. 1997 года

Подписано в печать 3.12.2004 г.

Формат 60x84/32.

Бумага ВХИ. Гарнитура Ариал, Таймс.

Заказ 1482. Тираж 250.

«Парус-М»

640000 г.Курган, ул.Комсомольская, 14-6

Отпечатано с лазерного диска в ГУП «Куртамышская типография» Комитета по печати и средствам массовой информации Курганской области
641430 г.Куртамыш, ул. 22-го партсъезда, 7.
Тел./факс 9-15-59.

